

@любовь

юля лемеш

лежачий полицейский

от автора «убить эмо»

Юля Лемеш Лежачий полицейский

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=432652

*Юля Лемеш. Лежачий полицейский: АСТ; СПб.: Астрель-СПб ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-066404-7*

Аннотация

В этой книге Юли Лемеш вы снова встретитесь с любимыми героями из «Убить эмо». Они стали чуточку старше, но не потеряли своей безбашенности, обаяния, задора и детской незащищенности. Они – всё те же подростки со своими радостями и трагедиями, любовью, конфликтами, поисками своего «Я» и своего места в жизни. Это так просто – знать, как должны вести себя окружающие и особенно – взрослые. И так сложно принимать собственные решения, строить свою жизнь и стараться быть счастливым, даже когда хочется плакать!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	27
Глава 12	31
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	44
Глава 17	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юля Лемеш

Лежачий полицейский

Глава 1

Что тут еще скажешь? Меня убили в этот вторник. Рано утром. Скинули с убогой облезлой двенадцатиэтажки, украшенной язвами лоджий, красующихся ненужным хламом в лице прошлогодних елок и спрессованных прадедушкиных пальто.

Лететь долго. Почти скучно. В еще не поврежденную голову лезут формулы из школьной программы про таинственные девять целых восемь десятых, которые каким-то невыносимым образом связаны с ускорением моего свободного падения. Какое красивое название «свободное падение», хотя, спрашивается, чего тут красивого?

Нет, все-таки лететь слишком долго. Но, конечно, значительно быстрее, чем с рядового небоскреба. Там, пока падаешь, такого навспоминаешься, насмотришься. Очуметь. Впрочем, что я привередничаю, небоскребов на моей ненаглядной родине покуда возмутительный недород. Что меня лично радует. Нечего им тут расти, без них проблем с избытком.

Короче, если оставить архитектурную лирику, пришили меня, укокошили. Судьба, знать, такая. Лежать кровавой кучей перед остолбеневшей дворничихой. Та даже орать не могла. Ей, бедняжке, мучительно хотелось оказаться хоть на полметра подальше, только ноги подвели. Отказали, предали. А такие с виду крепкие, выносливые, хоть и чуток подпорченные варикозом конечности. Зачехленные в самовязанные гольфы, смастыренные из обрывков разноцветных шерстяных ниток.

Поскольку мое приземление для окружающей среды оказалось полной неожиданностью, прилежная труженица метлы на миг заподозрила, что целили в нее, да промахнулись. А когда в полном объеме осознала, чем именно одарила ее горькая судьба поутру, то исказилась лицом, позеленела до лопухового цвета. Вот и стоит она, в теплых обмотках, глядя на мои бранные останки. Ноги не ходят, взирать – сил больше нет. Тогда она проявила завидное мужество – глаза закрыла. Умная баба.

Каждому из нас хоть раз в жизни становится ясно, что он когда-то умрет. От такой мысли даже мозги потеют, хотя слово «когда-то» – определяющее. Такова наша природа. Если не сейчас, то какого лешего задумываться о неприятном?

От моего при жизни симпатичного лица осталось невразумительное фаршеобразное месиво. Наверное, косметики переложила, иначе мордой об асфальт нипочем не шваркнуться.

Мне кажется, я ожидала чего-то иного. Более красивого, зрелищного. В кино опавшие покойники как-то более эстетично летают и иначе валяются. Впрочем, это все мелочи. Я – не самоубийца какая-нибудь. Требую уважения! Меня, как ни крути, все-таки убили.

Для успокоения особо слабонервных уточняю – было не больно. Гадко было. Тошно. Но не больно ни капельки.

Теперь можно будет изредка навещать собственную могилку. Цветочков принести да полюбоваться на свою самую удачную прижизненную фотографию. У меня на ней прическа красивая, и свет хорошо лег. Почти фотомоделль.

Бредятина. Никуда не пойду. Потому как нельзя. Уговор дороже денег.

Раз жизнь закончилась, остается только вспоминать, с чего все началось. Хотя история моя мутная, как и все истории про глупых дурочек, которым кажется, что они-то точно знают, где собака зарыта. И отрывают ее, не спрашивая разрешения.

Глава 2

– Дорогая, а ты знаешь, почему бабам доверяют самую тупую работу?

На лбу вопрошающего медленно возносятся недоуменные брови. Обозначая предельную, искреннюю озабоченность вопросом. Потом лицо разглаживается, словно он испытывает неподдельное облегчение от разрешения сложнейшей мировой задачи.

– Потому что бабы, ах, простите – женщины, по своей природе на большее не способны. Следи за достижениями науки, тогда будешь в курсе: по сравнению с мужским, бабский габарит мозгов, как фундук по сравнению с арбузом. Прикинь – у вас вот такой, – пальцами он показывает размер комариного уха, – а у меня – вот какой.

Холеные, не знакомые с физическим трудом руки размахивают в воздухе. Фиксируя офигенную кучу бесполезных извилин. Которая вполне сгодилась бы в качестве начинки черепа матерого слона. Включаю воображение. Итак, что имеем в итоге? Туловище прежнее, на нем крепится пресловутая слоновья емкость ума. Которая, как ни крути, не гармонирует с неспортивной папиной фигурой. Сплошной диссонанс в стиле лягушачьего головастика.

– Батяня, да ты полный урод! – хихикаю я, предусмотрительно отодвигаясь на безопасное расстояние.

Мама неодобрительно косит в мою сторону, предоставляя отцу возможность высказаться до дна его переполненной кое-чем души.

– Вот, погляди! Твое воспитание! Никакого уважения к родителям. Ржет. Чего ржет, спрашивается? А потому ржет, что некоторые варили суп, когда другие вдалбливали детям элементарные правила поведения в обществе. Вот у нас на фирме много молодежи работает. – Папино сальное лицо не оставляет сомнений в том, что он спец по юным подчиненным. – Так представь себе, девушки даже не мыслят выказать неуважение к вышестоящим руководителям. А эта...

Мне скучно. Я слушаю подобные злопыхания как минимум раз в неделю, а то и чаще.

С помощью всяких словесных глупостей мой сусальный пращур систематически втолковывает маме, почему ее доля – мытье посуды и прочее бытовое безобразие. Ничего нового. Ничего умного. Зато много желания унизить и «поставить на место». Гнида он казематная. За мамин счет себе самооценку поднимает. За мой не получается. Я и ответить могу.

Мама вполне могла бы парировать, что она получила образование крепче мужниного, что она занимала не последние должности в его фирме. Где, кстати говоря, папаша до сих пор трудится по ее настойчивой протекции.

Мое мнение – в конторе батяню терпят, памятуя о былых маминых заслугах. А она в это время тупо моет загаженную нами посуду. Почти с неприкрытой ненавистью. Ненавидит и моет. Жуткое зрелище. Удивляюсь, как тарелки в ее руках не рассыпаются в труху. Эх, а если бы действительно разлетались! Можно было бы такой эстрадный номер забабахать, закачаешься. Каждый день полный аншлаг, денег – лопатой гребь. В общем, я немного размечталась. Я вообще часто мечтаю. Про кучу денег чаще всего.

– Ты посмотри, в кого ты превратилась! Разве ты так выглядела, когда мы только познакомились? Инфузория.

Почему инфузория? Мама на инфузорию не похожа ничуть. Я перевела взгляд на отца. Который своим поведением и цветовой гаммой смахивал на сперматозоид. Такой же бесцветный и углубленный в поиск наилучшего применения.

Мама тихонько чихнула, прикрыв влажной ладошкой лицо.

– Хоть бы по воскресеньям клюв красила... – «Клювом» папа именуется рот у неприятных для него женщин.

Отвернувшись, мама чихнула во второй раз. Может, у нее аллергия на папино слово-блудие?

В папином арсенале обзывательств есть еще один вариант – «свисток». Слова «пасть, губешки, пищалка, хавальник, хлеборезка, корыто» он тоже употребляет, но не в отношении мамы.

– Будь здорова, – запоздало среагировала я.

– Спасибо, – ответил папа, привычно воспринимавший любую позитивную информацию на свой счет.

Мамин профиль слегка сморщился от сдерживаемого смешка.

Тем временем сытого главу семейства потянуло на плинтусную философию.

– Есть в жизни каждого человека дела, за которые он вправе ожидать уважения. Чтоб им гордились. И чтоб он сам собой мог гордиться. Ты согласна со мной? А за что уважать индивидуума, который с утра до ночи драит квартиру, готовит, стирает, ежедневно бродит по магазинам в поисках свежих продуктов подешевле? Не за что его уважать. Делай все качественно, тогда не надо будет горбатиться. Каждый день одно и то же. Где результат, я спрашиваю? Пшик. Ты – пшик, соображаешь? Ты появилась на свет ради пшика.

Тут я не выдержала. Захотела заорать: не срал бы по углам, было бы чище. Даже чашку в раковину не поставит! Но кидать обвинения, пусть и справедливые, сейчас не время. Он только еще больше разговняется. Кроме того, чего греха таить – я тоже не эталон чистоплотности.

Мама как-то неумно, но на полном серьезе предложила сфотографировать мою комнату и выставить ее во всей красе в Интернете. Мол, интересно, что народ скажет. Ха, удивить хотела. Не видела она, что творится дома у моих подруг. Я тогда жуть как расстроилась. Даже прибралась по-быстрому, пока она расчехляла фотокамеру.

Папа продолжал бурчать свой монолог. А я думала про маму.

Мне кажется, она шизик чистоты. И молчаливая, как сфинкс. Такие две отличительные черты характера. Иногда только по безукоризненно вылизанной квартире можно угадать ее присутствие. Даже жутковато становится. Вроде точно знаешь, что она дома, а не слышно. Бывает, за день из нее слова не вытянешь. Словно робот из будущего. Все делает, но молча. Когда все по дому сделано, сядет у окна, смотрит куда-то в небо. Словно ее выключили из розетки.

Иногда я фантазирую. Например, напротив нас живет умный и порядочный мужчина. Который видит мою маму в окне. Он такой весь из себя мудрый. Понимает, как маме скверно. И вот он специально встречает моего папу и говорит ему:

– Слушай, конечно, это не мое дело, но твоя жена жутко несчастлива.

– Отвали, пошел на... – Папа не желает ничего такого слышать.

– Раз так. – Мужик дает папе по морде, после чего у того происходит прозрение и он снова влюбляется в маму.

Хотя, нет. Все не так. Сначала в морду. А потом папа становится порядочным мужем. То есть уходит от нас к своей любовнице.

Напротив нашего дома нет никакого жилья. А мама так и сидит впустую, глядя в окно.

Я как-то тоже так попробовала. Выдержала минут пять, плюнула и снова принялась делать необременительную гимнастику под музыку. Маме музыка не нравится. Она ее беспокоит. Странно. В молодости она ходила на концерты полуподпольных рок-групп. Как-то раз она обмолвилась, что зря выбросила самопальные фото Цоя, БГ и прочих кумиров своей бурной молодости. Это она точно сказала – зря. Мне бы эти артефакты душу согрели.

Пару раз получилось вызвать ее на откровенность и послушать увлекательные подробности про тогдашний «Сайгон». Про рок-клуб и запрещенные концерты.

– Вот время было! Все запрещено, а народу по фигу на запреты. Музыка развалила систему!

Маме мои восторги показались полным наивняком. Особенно ее развеселила моя уверенность в романтике совка.

– Будто сейчас бороться не с чем. А «Сайгон»? Домашним девочкам там делать было нечего без проводника. У меня он был. Нелепый добродушный парень. Сборщик сплетен. Не музыкант. И матершинник жуткий. Из прекрасной интеллигентной семьи. Мы в институте вместе учились.

– А что с ним стало?

– Умер. Я до сих пор жалею, что как-то потеряла его из вида. Хотела потом найти, а он взял и умер. С ним интересно было.

– Расскажи еще про «Сайгон», – прошу я из вежливости.

– Представь страну почти одинаковых людей. Серая мышьяная возня. А в «Сайгоне» все были кошмарные. Панки, рокеры, прилипшие к ним девчонки. Одетые черт знает во что. Забавно смотрелось. Но больше всего я тот кофе запомнила. Вынос мозга, а не кофе. Кстати говоря, если бы мы тогда знали, чем со страной все закончится, то не так сильно бы радовались. Теперь все можно, да что-то не хочется. Особенно вам. Вроде возраст такой бунтарский. А вы инертные какие-то...

М-да, про нашу музыку нельзя сказать, что она против чего-то протестует. Матерится временами, но это не в счет. Раньше мне нравился Дима Билан. Потом разонравился. Он ненастоящий какой-то. Потом Витас нравился. Потом разонравился. Замороженный он какой-то. Потом нравился вокалист «Токио Отель». Потом я решила, что он мутант, и перестала им восхищаться.

Настал черед питерских музыкантов. Начала с «Дакоты». Он на губной гармошке играет. Его мало кто знает. Но он классный. Но теперь он женат. Коровин мне понравился намного позже. Когда я на его концерте побывала. Коровин прикольный. Он поэт и фронт-мэн «Харакири». Псих, хотя и талантливый. Но вокруг него слишком много влюбленных девчонок. Мурашов тоже прикольный, но слишком взрослый. Один раз мне даже понравился вокалист «Сонце-Хмари». Я целый час была в него влюблена. Два метра грубости и дикой энергетики. Но у него такая спутница – мигом волосы повыдергает.

Получается, что я не музыкой интересуюсь, а музыкантами. Теперь я слушаю латиноамериканцев. Мелодии у них душевные. И там не в кого влюбляться. Потому не надоедает.

Оставив меня в смятенном состоянии, мама снова уставилась изучать цвет неба.

– А как же Цой?

– Он в твою сторону и смотреть бы не стал, – словно подслушав мои мысли, неожиданно заключила мама.

– Это почему же? – сразу обиделась я.

Мне, как и большинству поклонниц «Кино», казалось, что именно я сумела бы стать достойной спутницей для такого великого человека.

– Болтаешь много.

– А мои подруги считают, что ты так невзрачно одеваешься, потому что считаешь себя недостойной красивой одежды, – из вредности чего только не ляпнешь.

– Правильно считают, – согласилась мама без всякого раздражения.

Живем мы в маленьком доме на обочине шумной дороги. Не богато живем, однако маму это не беспокоит. Ее беспокоит случайная капля кофе, упавшая на стол. Тогда я слышу возмущенное: «Нет. Только не это», – словно в нашу квартиру втихомолку пробралась лошадь и исхитрилась наложить кучу в супницу.

Пока я думала про маму, папа продолжал словесную экзекуцию. Удобно расположившись на кухне. С каждой репликой прибавляя обороты. Как будто сам себя раскочегаривал.

У него такой вид общения вошел в привычку. Скоро распалится, раскраснеется, уличая маму во всех дефектах, а потом довольный как эшелон слонов пойдет по своим делам. Он после таких наездов просто молодеет. Они его стимулируют на контакт с молоденькими хищницами. Короче, если кто не допер – папаня любит сходить налево.

Когда-то мама была его руководителем. Смешно, право. Папа ни в жисть бы карьеру себе не сделал, если б не ее поддержка. Я думаю, он не хочет забывать о том, что был в ее подчинении.

А сейчас он снимет носки, бросит на пол, пошевелит голыми пальцами для озонирования воздуха. И приступит к главному.

– А вчера я пришел поздно, потому что у нас было заседание... – Большие пальцы на ногах забавно скрючиваются, выражая напряженную работу мысли.

Жаль, папа не в состоянии придумать, на каком именно заседании он сумел пригодиться фирме, да и «поздно» слабо сказано. Он на рассвете приковылял. Попахивая не только спиртным, но и резкими, почти мужскими духами. Может, его на голубизну пробил? Интересно, но спрашивать воздержусь.

Мама, как всегда, придерживалась обета смирения. Она молчала. Монолог папу не устраивал. Его все больше тянуло на скандал. Ему было плевать, что я сидела и слушала. Внимала внимательно.

Посуда сверкала, как латы римской армии накануне битвы. Мама медленно вытерла руки об оранжевое вафельное полотенце. Устало улыбнулась мне. Сняла застиранный до неопределенного голубоватого цвета передник. Аккуратно повесила его на крючок. Довольно изящно наклонившись, двумя пальцами подобрала белые вывернутые наизнанку мужнины носки, собираясь отнести их в ванную. Почти одновременно с этим миролюбивым действием раздался истошный визг дверного звонка. Вынуждая меня покинуть поле боя, чтоб выяснить, кого принесла нелегкая.

Глава 3

Судорожно штампанув мою щеку пахучей вишневой помадой, в квартиру тайфуном врывается моя единственная бабушка. В багровой короткополой шляпке с пестрым залихватским пером. Экспроприированным не иначе как из мужской фазаньей жопки.

Папина мама вся сегодня багровая, как свекла без шубы.

– Можешь ничего не говорить. Бедный мой мальчик. Страдалец! Как вообще можно жить в таком третьесортном районе?

Как выглядит четвертый сорт, я примерно предполагаю. Недавно меня черти занесли в поселение. Близ железнодорожной платформы. У самого исторического центра. Судя по названию, там в ветхозаветные времена ваяли фарфор. Отвалялись. Теперь при виде домов, вопиющих о сносе, остается изумляться, почему у жителей такой оживленный и предприимчивый вид. Слово происки в поисках пропитания не оставляют времени ткнуться носом в очевидную четверосортность. А какие там коты! Чудо, а не коты. Самые котастые коты в мире.

– Не понимаю, как культурный человек из интеллигентной семьи с достойными предками может вынести окружение низкопробного плебса. – Бабушка решительно не желает согласиться с тем фактом, что плебс и есть народ.

Я живу тут с рождения и никак не могу согласиться с ее нападками. Хороший район. Если нет пробок и не перекрыт железнодорожный переезд, то от нас всего полчаса до центра Питера на машине. А также до Пушкина и Павловска. Правда, в отличие от них, у нас нет ни одной приличной достопримечательности.

Бабушка тем временем неуклонно повторяет мамины передвижения. Она прилипла к ней пиявкой и гоняет ее в разных направлениях. Подталкивая в спину могучим бюстом.

– А не тебя ли я на днях видела на Невском? Сынок! Твоя супруга шляется по утрам по Невскому с каким-то старым навороченным грибом!

У папы заметно отвисает челюсть. Он много чего предполагает о своей супруге, но настолько чудовищное разоблачение приводит его в замешательство.

Я гляжу на папу и, обуянная музой стихотворчества, громко декламирую: «По Африке сова бежала, морозной ночью, задравши челюсть...» Сравниваю картинку с реальностью и продолжаю: «Под деревом змея лежала и жрать хотела, какая прелесть». Папина челюсть захлопывается как капкан. Он взвизгивает, прикусив язык.

– А во что она была одета? – придя в себя, уточняет папа.

– Кто, сова? – радуюсь я первому поклоннику моего таланта.

– Не тебя спрашивают, – зло кидает несостоявшийся поклонник, уставившись на маму.

– Ну во что, во что... – задумчиво бормочет бабушка. – В кожаный облегающий пиджак, брюки такие укороченные, модные, в общем, и сумка такая – супер. Мне самой такая бы не помешала.

Папа с явным облегчением смеется. Я мрачней. Что, спрашивается, смешного в том, что у мамы нет никакой модной одежды? Теперь мне немного жаль, что и старого гриба нет тоже. Если бы мама завела роман, я бы не обиделась. На мой взгляд, она вполне может понравиться культурному пожилому дяде. Я тут же продолжаю мечтать про внезапную кучу денег. После трат на себя можно было бы приодеть маму по последней моде. А потом найти пару отморозков и кастрировать папулечку. И заодно укоротить ему язык. Интересно, почему нынче такие услуги? Надо будет в Интернете пошарить.

– Сыночек! Ты мне не веришь? Досмеешься! Как рога потолок задевать станут – вспомнишь мои слова. Женщину не обманешь. Она это была! Только причесана иначе. В вашем захолустье можно и так шлындать. На халат пальто накинут – и ну на рынок.

Тут она попала в точку. Я встречала таких, у кого пальто не халат, а ночнушку прикрывает. Только не мама. Она как мальчишка одевается. Донашивая мои брюки.

– Жаль, я на мобильник ее заснять не успела. И какого черта ты застрял в этом болоте? – продолжает жужжать заезженная пластинка.

Скрестив ноги, я опустила на чистейший дощатый пол. Сижу как турок, привалившись к стенке. Только кальяна не хватает. Раз я не могу внести исправлений в сценарий бабушкиного спектакля, то почему бы не развлечься разглядыванием изъянов на краске досок. Глядя на пол, вспоминаю, что давно не рисовала. Становится грустно.

Выкатив глаза, бабушка с пеной у рта продолжает доказывать мамину коварную двуличность. Виновница небывалой агрессии свекрови стоит у окна. Провожая взглядом вереницу медленно ползущих машин, которые попеременно сигналият, одурев от черепашной скорости.

– Ее я видела! Меня не проведешь! Глаза-то разуй – не может у женщины задарма быть такой ухоженной кожи! А стрижка? Говоришь, сама стрижется? Ага, так я и поверила. Где сумку такую оторвала, стерва?

– Мама, перестаньте, наконец, орать. Сами подумайте, на какие шиши она сумки покупать будет? Кроме того, зачем ей вторая сумка, у нее уже есть одна. А стрижется она сама, я собственными глазами видел.

Рисунок потертостей на облезлых досках навел меня на мысли о картах. А мысли о географии плавно перетекли в обдумывание защитной речи в оправдание родного района. У нас есть река. И остров. С дурацким названием Чухонка. После жаркого летнего дня он так и выглядит – зачуханным до противного. Неряхи мы. Национальная черта такая.

Кроме острова на реке сто лет назад была пристань для паломников, где мы с мальчишками в воде монетки старинные собирали. Говорят, к пристани приставали пароходики с паломниками, навещающими собор. От которого стараниями властей не осталось ничего.

Еще на реке прямо с плота устраивают салют, и он стократ отражается в ночной воде под дружный рев восторженной пьяной публики. На Новый год дармового салюта теперь не делают. Считают, и так обойдемся. А еще у нас вместо изысканных развлечений есть много деревьев и относительное спокойствие. Которого тут хоть отбавляй. Особенно летом. Когда почти все жители испаряются с первыми лучами солнца в сторону огородов.

Вспомнила: у нас есть еще обалденный магазин! И нечего тут смеяться. На его крыше даже статуи сидят. Две. Типа рабочего и колхозницы. Здоровенные такие, пофигические. Смотрят в разные стороны. Наверное, поссорились. Правда, внутри магазина от бывшего великолепия ничего особенного не случилось.

Мама рассказывала, раньше интерьер был сплошь из чистого мрамора. Были и солидные, как трон папы римского, деревянные будки касс. А в кондитерском отделе крахмальные важные тети отпускали всякие вкусности. Которые завлекательно сверкали в хрустальных витринных вазочках. Еще маме запомнился мраморный бассейн с живой рыбой. Она как-то призналась, что, несмотря на специфический запах, часто ходила смотреть на мутную витрину водоема. Из которой выглядывали чудные рыбы рыла. Особым шиком тогда считалось прикупить зеленоватого сома. Забраться с боем в автобус, удерживая порывы узника в болоньевой клетчатой авоське. Перепачкать рыбьим ароматом сплоченный советский коллектив. Ответить страждущим, где приобретался сом. Дома – непременно поместить сома в ванну. И надеяться, что живность самостоятельно уснет. Она почему-то не стала объяснять, как умертвляли не усопшего сома.

С магазином у меня связано одно забавное воспоминание. Когда я была маленькая, мама там встретила бывшего поклонника. Пока они любезничали, я обнаружила на прилавке уйму киндер-сюрпризов и по-тихому их распотрошила. Надеюсь выяснить, какие сокровища там таятся. Всегда кажется, что именно тебе достался самый неинтересный сюрприз.

Поклонник оказался не жадным.

Он нас выкупил.

Бабушка набрала в легкие очередную порцию воздуха. Расправила орлиные крылья и кинулась доклевывать цыпленка в лице моей мамы.

– Шлюха! Я всегда тебе говорила, что она тебе не пара, – это уже папе. – Немедленно собирай вещи. Мы покидаем этот нищенский вертеп!

Последнее восклицание звенит опереточным фальцетом. Отчего тускнеет трагизм сказанного. Перо на шляпке психованно трепещет, малиновые губы дрожат, как кровяной студень. Офигеть, как они мне надоели со своими разборками.

Несмотря на визги свекрови, мама глубокомысленно завершает начатое. Носки вывернуты и благополучно доставлены до пункта назначения. Осторожности ради мама протискивается вдоль стенки, чтоб неровен час не прикоснуться к бабушке. Заходит в комнату. Откуда с характерным шумом выкатывает два увесистых глянцевых чемодана на колесиках.

Ошарашенный босолапый папа цеплялся взглядом за меня, как утопающий за спасательный круг. Я многозначительно пожимаю плечами. Действительно, я-то чем могу ему помочь? Разве что чемоданы до машины донести, и то вряд ли. Они тяжелые, а все, что превышает пять кило, для меня вредно. Так в книжке медицинской написано – позвоночник надо беречь смолоду.

Пока мы обменивались взглядами, мама, сидя на стуле в прихожей, смотрела в пол. Старательно пряча выражение лица. Была видна только рыжеватая пушистая макушка. Бабушка пыталась укорить макушку испепеляющим взором, но получилось не очень. Тогда она уставилась негодующим оком разгневанной индюшки на заранее упакованные вещи.

– Ах, ты предвосхитил меня, мой несчастный ребенок!

Прощебетала. Перевела взгляд на голые ребенковы ноги.

– Что и говорить, даже чистых носков от нее не дождешься! Барыня!

Мама, недолго думая, смоталась в ванную, чтоб предстать перед нами с несвежими носками-путешественниками. Причем папа, не замечая никакой издевки в этом действии, сразу догадался – пора собираться в путь – и мрачно обрядил несвежие ноги в несвежие носки.

Честно скажу, меня в этот момент волновало другое. Наблюдая краем глаза, как бабушка роется в лаковой сумочке, я пыталась сообразить, чем меня субсидируют на этот раз. Шоколадкой «Вдохновение» или денежкой?

Повезло. Суетливая влажная рука всунула мне приятно хрустящую голубую тысячную. «Спасибо, бабуля».

Чмок. Чмок.

Боже, как я люблю деньги.

Просто обожаю.

Подхваченный нахрапистым ветром чужой воли, папа алчно проводил взглядом исчезающую в моем кармане ассигнацию. Тупо позволил запеленать себя в куртку. Засунул вторично обносоченные ноги в модные штиблеты и вцепился в не им собранные чемоданы. По его лицу видно – он никого не предвосхищал. Он просто хотел поизгаляться над беспрекословной супругой. А тут бабушка некстати приперлась со своими разоблачениями.

«Пока, папа, пока».

Скатертью дорога.

Чмок. Чмок.

В доме наступила такая глубокая тишина, которая случается после долгого крика. Мама бестелесным привидением растворилась в районе кухни. Наверное, снова утешается видом на небо. Пытаясь подражать ее неслышной походке, я засемила к себе в комнату. Под ногой ехидно скрипнула половица.

На улице глухо стукнула дверь машины. Изображая папин прощальный салют, стрельнул пробитый глушитель.

Задрав ноги на стенку, я разлеглась на неприбранной кровати, уставясь в потолок. Пока есть время до ужина, надо разложить по полочкам последние события. От которых я немного устала.

Итак, бабушка лоханулась и спутала маму с кем-то еще. Папа завел новое увлечение и решил устроить себе каникулы. Стопудово. Вариант, что папе стыдно за вчерашние подвиги, не рассматривается по причине излишней фантастичности. Вывод: папа воспользовался бабушкиной глупостью, чтоб свалить от нас порезвиться.

Приглашение перекусить прервало мои изыскания. Счастливо потягиваясь, я подумала: как здорово слышать мамин голос, зовущий немного подкрепиться.

Только ночью я задалась тупым вопросом: «А откуда мама знала, что папа заведет такой гнилой разговор, а бабушка придет его вызволять?» Ведь чемоданы были собраны заранее.

Две недели спустя отец, как ни в чем не бывало, в очередной раз вернулся домой. В виде компенсации всучив дрожащими руками мне аж сто евриков от имени бабушки. Так вцепился, когда отдавал, что я даже оторвала краешек. Он тоже деньги любит. Не меньше, чем я.

Чмок. Чмок.

Куплю себе новую курточку!

Глава 4

Так, в учебе и мелких никчемных хлопотах пролетел целый год, а потом я влюбилась. Или в меня влюбились? Я и сама не поняла.

Просто как-то так получилось, что все подружки были с кем-то. А у меня никого. А они все время мне рассказывали про свои романтические отношения. А у меня никого. И задрало меня это «никого». Нервы совсем разыгрались. То злюсь, то плачу, то ненавижу всех начинаю. Просто бешеная стала. Психоз какой-то. А ведь еще учиться надо. А в голове сплошное отчаянье. От того, что у всех кто-то есть, а я одна.

Когда я совсем заиклилась, то даже решилась на откровенную дурость и позвонила своему давнишнему поклоннику. Который вроде как сох по мне еще со школы. Красивый парень. Вроде бы. Не противный точно. У него профиль очень даже ничего. И руки красивые. И относится ко мне нормально. Позвонила. Почти без труда договорилась о встрече. Перерыла шкаф, оделась очень даже сексуально. Накрасилась. Вся такая из себя. И пошла становиться «не одной».

Иду и думаю. Раз не получается влюбиться, надо самой себе внушить мысль о превосходных качествах объекта. Фу, как глупо звучит. Надо приглядеться и найти в нем самые приятные качества. Звучит немного получше. Ну, и надо самой быть на высоте. Не изменять... Блин! С кем? Но тем более полезное уточнение – изменять не стану. Надо вспомнить истории подруг. Как они обращаются со своими любимыми? Уважают? Вовсе не все. А зря. Я точно его уважать намерена. И хвалить почаще надо...

Схема отношений родителей никак не подходит. Были влюблены. Потом мама «выросла». Потом ей стало яснее ясного, что папа полное ничтожество. И у нее, кажется, возникло чувство ответственности за мужа. И она решила дать ему возможность считать себя самым крутым. Зачем? Кто ж ее знает. Я бы так не смогла. Но это мои предположения, а как там на самом деле – фиг его знает. Ладно, не мое это дело. Посмотрим, чем мое свидание обернется.

Встретились. Он вроде как обрадовался. Все улыбался и поглядывал на меня одобрительно. Сначала у меня была стопроцентная уверенность: сейчас он мне скажет что-то типа: «Давай встречаться». Минут сорок была уверена. Но потом начала понимать – все пошло не так, как задумано. Наперекосяк.

Сидели мы в кафе, разговаривали. Про школу. Про институт. И он так заинтересованно меня слушал. Как лучшего друга. Не более того. Не то чтобы я рассчитывала после первого свидания попасть к нему в постель. Совсем нет. По-честному, я даже не очень понимала, как это все происходит. Наверное, надо сначала некоторое время повстречаться. Сходить куда-нибудь. Быть может, в кино. Или на концерт. Куда обычно водят? И только потом случайно под важным предлогом попасть в подходящее помещение. И, быть может, пара поцелуев. И, о ужас какой, придется раздеваться. Хорошо бы обзавестись суперкрасивым бельем... Я видела подходящее в магазине. Надо только цвет выбрать. Быть может, нежно-лиловый?

В этот момент до меня дошло, что романтических предложений не последует. Он смотрел на меня как на чашку остывшего кофе. В котором плавает муха. Я не была назойливой. Просто от отчаяния принялась показывать всем своим видом, что мальчик мне жутко нравится. И что я вроде тоже очень даже ничего. А саму уже трясти начало. Улыбаюсь, а сама трясусь. Даже руки под стол убрала. Чтоб незаметно было.

А он по второму кругу свои новости пересказывает. Труба дело. Хуже некуда. И смотрит он на меня затравленно. Без всякого энтузиазма. В смысле романтики. Похоже, даже боится. Или опасается. Но вежливый такой. Видимо, терять мне нечего.

– Я тебе совсем не нравлюсь. – От моего вопроса у него брови на лоб полезли.

И взгляд такой остекленевший. Ужас!

– Ты понимаешь, тут такое дело... – Зачем дослушивать?

Мне по фигу, какое дело. Он ведь даже не попытался меня остановить. Так и остался сидеть за столиком. С почти красивой деревянной мордой лица.

Облом. Неужели я никому не могу понравиться? Неужели я страшнее всех на свете? Или противная как человек? Что во мне не так? Вон девчонки рассказывают, с ними даже на улице знакомятся. А я даже через Интернет не могу. Фотки у меня просто супер, а на свидание так никто и не пригласил.

– Мама. Меня никто не любит, – рыдала я. – Я так и останусь одна!

Она меня выслушала. Она меня расспросила. И вдруг захихикала.

– Ты это чего? – Я такого от нее не ожидала.

– Надо было со мной посоветоваться насчет окучивания того мальчика, – успокоилась мама. – Я бы тебе кучу нервов сэкономила. Прекрасно его помню. Он раньше на все дни рождения приходил тебя поздравлять.

– Это почему сэкономила бы?

– Да потому. Скажем так, явно неподходящий кандидат. И не спрашивай. Лучше не торопись. Оно само случится. Если ты психовать не будешь. Поверь мне на слово.

Естественно, я психовать не перестала и не поверила. Но делать нечего. На шею вешаться вроде как некому. Ни одного подходящего кандидата. Оставалось привыкнуть к мысли о судьбе старой девы. Не в лесбиянки же идти? У меня к этому делу никакой предрасположенности. Тем более, мне рассказывали – у них тоже не так все просто. Нет, определенно мне нужно что-то другое.

С такими мыслями в голове сидела я на скамейке в уютном дворике. Не обращая внимания на прохожих. Напрочь углубленная в себя. Несостоявшаяся «не одна». Несостоявшаяся лесбиянка. И просто никакая...

Только собралась поплакать, как вдруг столкнулась с НИМ. А он сначала прошел мимо. Я еще подумала: ботинки какие удобные. Качественные ботинки. Потом еще раз прошел. А потом еще раз вернулся. Глаз я не поднимала. Только на ботинки эти превосходные смотрела. Стоят передо мной. И не уходят. Взгляд подняла. Букет. К которому прилагается вполне приличный молодой человек.

Своего избранника я вовсе не таким воображала, но с радостью согласилась на приглашение сходить куда-нибудь поесть мороженого. Не откладывая на потом. Быть может, это судьба? Кто-то скажет – дура. Вот и не дура.

Как только мы начали встречаться, мои нервы мгновенно успокоились. Мужчина – лучшая успокоительная таблетка.

Теперь я могу спокойно похвастать перед подругами своим «неодиночеством». Оказывается, у меня его было с избытком. Ни одного по-настоящему близкого человека. Я только сейчас это поняла.

Глава 5

Последний год перед большой любовью ознаменовался единственным запоминающимся событием. В наш дом для проживания прибыл почтенный дед Нил. Поскольку наши окна выходят на подъезд, то я смогла лицезреть пришествие деда. Который явился в сопровождении огромного темного сундука. Заменяющего ему и шкаф, и кровать.

Меня сразу заинтриговало такое немислимое для новгородской глуши имя, и имеет ли оно отношение к великой реке. Дед скромно утверждал, что имеет. Что необразованные аборигены реку назвали в честь первого славянина Нила. Много веков назад по собственному хотению обосновавшегося в Египте. Врет, конечно. Но так увлекательно слушать про странника Нила. Который много миллионов лет назад решил вернуть семью на историческую прародину. Покинутую из-за первого ледникового периода. И как своим умом и неимоверной образованностью он сумел вызвать преклонение со стороны местного населения.

– Ага, – радовалась я, – египтяне в полном отпаде. До сих пор. И чем же тот первый Нил их поразил?

– Они к нему со всем уважением. И почтением. Они что – они люди темные. А он им про строительство сфинкса сразу все как есть популярно разъяснил. – Сидя на скамейке перед домом, Нил отключивает бесцветную желтоватую бороду и складывает руки перед собой, изображая сказочного зверя. – Правда, они не все правильно поняли. Наш сфинкс – он кто? Кобель с крыльями. Или, скажем, птиц с бабьими причиндалами и ликом, как бабы. Но у этих египтян тоже неплохо получилось. Главное не сфинкс. Главное – Нил их хозяйствовать научил, а пирамиды – так, забавы ради, архитектурное излишество, чтоб народец в праздности не опаскудился. Когда мужик при деле, он того, не забалует.

Я подивилась на глубинное взрыхление идеи славянского приоритета перед всеми прочими отсталыми нациями. Только и ожидающими мудрого руководства старшего брата.

Как-то пришел участковый. Послушал дедовы бредни и обвинил его в пропаганде национализма. Дед взвился со скамейки. Обозвал власть «сам недобиток фашистский», после чего косолапо удрал домой. Откуда возвратился с полиэтиленовым пакетом. В котором вместо макарон лежали всяческие медали за достижения в умерщвлении врагов на разных войнах. Во второй руке красовался маузер. После некоторой бестолковой суеты выяснилось – пистолет годился только для выпендрежа перед несведущими простаками типа меня. Участковый выбрался из-за угла дома, поднял фуражку и смачно сплюнул под ноги.

– Не ссы, – успокоил дед. – Боек-то сточен. Держу так, для блезиру.

Остыв после баталии с экспроприацией неогнестрельного оружия, участковый примостил фуражку на голову и, не прощаясь, укатил на старенькой иномарке. Которой втайне гордился, как огромным прорывом от вонючего «Москвича» к вершинам прогресса.

Дед Нил по всеобщему мнению был именно почтенный. Соседские оживленные старухи мгновенно воспылали к нему активной любовью. Облепив неожиданное сокровище, как мухи патоку. Их восторженности не разделяли только сердобольные Ниловы родственники. Которые привезли деда из деревни в целях опеки с последующим наследованием добротного дома на престижном берегу престижной реки.

Спустя пару недель они уже были в ужасе от своего опрометчивого решения. Особенно когда поняли, что вступление во владение дачей откладывается на неудобоваримо отдаленный срок. Старухи торжествовали. И при встрече не уставали напоминать незадачливым наследникам о невероятном Ниловом здравии.

Под предлогом чаепития из электрического самовара дед Нил собирал в квартире роту восторженных старушек. Ради такого случая дед облачался в воняющий нафталином серый

крапчатый пиджак с куцым хлястиком на спине. Который крепился посредством двух шер-
батых пуговиц. Каждый вечер Нил беспощадно обжуливал бабушек в дурака.

– Плевал я на них с высокой колокольни, – делился он мнением о своих родственниках.

Кроме того, Нил приучил восторженных поклонниц нюхать табак, утверждая, что в нем и есть залог здоровой неограниченной жизни. Старухи, издавая взвизги, пронзительно чихали на весь дом. Проигрывая в карты за вечер рублей двадцать и с десяток поцелуйчиков. Которые вызывали все те же пронзительные взвизги.

Дед тоже чихал, словно древний навьюченный грузовик на долгом подъеме. Смахивал набежавшие слезы и временами грозился завести гармонь. Чтоб дом не забыл, что такое настоящие плясы.

Мне дед годился в настоящие прапрадеды, что не мешало ему при встрече грозно спрашивать: «Ну что, малахольная, в подоле не принесла?» – а затем шлепать по мягкому месту крепкой как железо ладонью. В силу воспитания я была просто обязана возмущаться такими нападками, однако меня они нисколько не раздражали. Раздражало дедово нескрываемое восхищение мамой.

– Та еще штучка. – Стариковские глаза бодро посверкивают. – Ушлая баба, но умная, мать ее ети, потому ум свой прячет. Попомни мое слово, не кулема, как некоторые.

Слово какое подобрал – кулема, наверняка на меня намекает. Ничего такого ушлого в маме нет.

Глава 6

Итак, спустя год я влюбилась.

Не в деда Нила, конечно, хоть он безусловно того стоил.

Того, в кого я втрескалась, звали Игорь. Он – умный, уравновешенный. Не урод, а при росте в метр восемьдесят пять и приличном телосложении можно сказать – красавец-мужчина в расцвете сил и возможностей. Правда, влюбилась я в него не из-за этих очевидных достоинств. Дело в том, что с первой минуты общения мне стало понятно: для него я самое ценное на всем белом свете. Здорово, правда? Говорят, люди любят тех, кому они нравятся. Я – не исключение.

У Игоря в нашем городе и его обширных окрестностях водится множество друзей из самых разных социальных слоев. Звучит идиотски. Это я про слои. Но он сам так объясняет свою товарищескую всеядность. Космополит. Из его друзей хоть завтра можно создать автономное карликовое государство. Невероятно шустрое, с непомерными амбициями в смысле разрастания. Там будут проживать исключительно гениальные, незаурядные личности различной профпригодности: от старшего офицерского состава до бомжей. А он, естественно, типа президента. Ну, министр при президенте, как минимум. Такой характер. Жуть как любит утрясать чужие проблемы. Хотя теперь в его государстве обосновалась я, так что извините-подвиньтесь. Мне тоже надо уделять изрядную толику внимания.

При более длительном общении выяснилось, что, хоть я и считаюсь несомненной ценностью, однако имеются некоторые «но». К которым смело можно отнести тот факт, что Игорь любит меня ровно настолько, насколько умеет. Наверное, так происходит со всеми страшно занятыми мужиками. Дела на первом месте, а даже более чем теплые отношения – на втором. Я активно претендую на первое, но меня постоянно спихивают с престола всякие финансовые срочности-неотложности. Я – ничего, я привыкаю, но усиленно тяну одеяло на себя. Медленно, осторожно, зубками-коготками, но тяну. Сначала обижалась, если свидание было отменено из-за завала на работе. Теперь дуюсь, но молча. Надую щеки, губы и сажу такая вся напрочь недоступная в своем страдании. Игорь изредка отрывается от компьютера и смеется. Говорит, что я похожа на чугунок.

– Сам ты... «учупизник».

– Ребенок, ты что! – возмущение от предполагаемого мата выводит Игоря из душевного равновесия.

– Знай и люби свой родной язык. Даже столетней давности.

Неприкрытый ужас на лице моего любимого вынуждает меня пояснить странновозвучное слово.

– «Ягольник-та яруе, двухвостка, возьми цупизник да уцупизни яго», – продекламировала я с нескрываемым удовольствием цитату из словаря Даля.

– И что эта хрень значит?

– А сам как думаешь?

– Безобразие.

Пришлось напрячь память и перевести.

– «Корчага кипит, невестка, возьми уполовник да отчерпни из нее», примерно так.

– Здорово, только я бы в жизни не вызубрил такую абракадабру.

Скромно потупясь, я решила не сообщать, что на запоминание баллады про учупизник у меня ушло немало времени. Почти полгода с перерывами. Но оно того стоило.

– А почему сначала было слово с «ч», а потом с «ц»? – поразмыслив, полюбопытствовал Игорь, не рискуя вслух повторить незнакомое обзывательство.

– А фиг его знает, – весело разъяснила я, сообразив, что все-таки привлекла к себе его внимание.

– Учуприздник, значит, – раздумчиво бормотал Игорь.

– Вот балда стоеросовая, неправильно. Теперь точно гадость получилась.

– Зато так лучше запоминается. Можно кого-нибудь сильно удивить.

– Ты матюгаешься, а такой с виду приличный дядька.

Мы бурно выясняли, кто из нас приличней. Потом не менее бурно мирились, выпав из поля зрения вселенной на часик-другой. Примирение сопровождалось разнообразными милыми играми и методичным доламыванием ветхой кровати. У которой в самый патетический момент нахально отвалилась деревянная боковина. Бабах! Соседи снизу колотятся в потолок шваброй. Мы умираем со смеху при виде бранных останков лежбища.

«Прощай, мой друг, все кончено меж нами. Тебя чинить я больше не могу!» – шепчет Игорь, допинывая разохшиеся кроватины ножки.

Я азартно помогаю в убийстве мягких частей супружеского ложа. Из зеленого сукна высовываются куски поролон абсолюто неприличного цвета.

Все. Для кровати жизненный путь безоговорочно закончен. Теперь можно смело покупать новую, так как старая отработала на сто пятьдесят процентов. Гип-гип-ура!

После всестороннего осмотра мама посчитала Игоря подходящим другом для дочери. Что не мешало ей осторожничать. Она отказалась признавать, что я влюбилась на всю жизнь.

– На нем свет клином не сошелся. Кто знает, может, погуляете да разбежитесь. Сейчас это модно. Ты иногда поглядывай по сторонам. Мужички иногда даже очень ничего подворачиваются.

Сконфуженно оценив ужас в моих глазах, мама прибавляет:

– Тебе хорошо? Ну и радуйся, пока все хорошо. В любом случае, потом будет что вспомнить.

Одно ее радует наверняка – Игорь очень ответственный. Она уверена, что я пожизненно буду нуждаться в опеке. Вот уж фигня. Я давно взрослая. С того момента, как познакомилась с Игорем. Или – почти с того момента. Где-то так. Не верите? Точно взрослая. Я даже научилась уважать его за отказ от свидания со мной ради педантичного вникания в вопросы. Которые в перспективе приумножат благосостояние его и его фирмы. Блин, какая я молодец. Наверное, взрослою.

Папашка на известие о моем стремительном романе отреагировал из рук вон плохо. Он малодушно вообразил, будто по моей вине автоматически попал в затрапезную категорию почти старикашек. Не за горами внуки, и он сам переиначится из молодого (?) отца в банального деда. Войдя в роль, временно перестал бриться. Типа бороду он отращивает. В результате ему устроили выволочку на работе за неопрятный вид. Вывод: у папы депрессняк, а виноват кто? Угадали. Конечно – мама.

А может, я ошибаюсь. Может, моя личная жизнь ни при чем. Может, папина скорбь питалась из другого, более прозаического источника. Не исключено – его бросила очередная пассия. Или залетела. Кстати, здорово бы было. Папа свалил бы к новой жене, отстал от нас со своей проворной душевной организацией. Ни для кого не секрет – все равно уйдет.

Мне его жалко немного. Он какой-то покореженный по жизни. Наверное, его бабушка в детстве забаловала, не иначе. Не позволяла принимать самостоятельных решений. Поэтому у него не развилось чувство ответственности. Эгоист и полный придурок. Убежденный, что все ему чего-то недодают. Как глистастый барбос – для него всегда чужой кусок жирнее и слаще.

Игорь с папой подчеркнута вежлив, но без крупницы уважения. А про маму сказал, что она чистойшей души человек, только слишком ухоженная. Не по средствам. Вот глупый.

– Чтоб такую кожу иметь, надо по косметологам постоянно таскаться. Неужели ты не замечала, какая у нее роскошная кожа?

– У нас это наследственное. Гены.

Мне казалось, что после намека на гены Игорь непременно восхитится и моей мордочкой. Куда там. Даже и не подумал. После его ухода я бросилась искать первые морщинки. Для бодрости духа построила рожи своему отражению. Отличная кожа. Почти без изъянов. Но у мамы лучше. Значит, у нее гены, а у меня что?

Проверила кремы на полочке в ванной. Надеялась отыскать тот особенный крем, который омолаживает чудотворным образом. А его нет. Есть скудные останки крема для рук. Тюбик выдоен на сто десять процентов. Если бы мама могла – вывернула бы его наизнанку. Так, что тут у нас еще? Слякка календулы на спирту. Вот, пожалуй, и все. Правда, в холодильнике есть майонез, огурцы и простокваша. Наверное, мама, как и немки, предпочитает кормить кожу тем, что ест сама.

Облепив физиономию кружочками холодного огурца, я стала такая довольная, словно выполнила долг перед организмом. Чтоб не тратить время понапрасну, стала смотреть телик. Закусывая новости подвявшими ломтиками маски. Так всю и съела. Невкусно, между прочим.

Глава 7

Вчера я сбежала с последней пары в институте. Живот разболелся. Из-за месячных, наверное. Раньше такого не было. Гинекологиня говорит, мол, это нормально для начала активной половой жизни. Вот всегда так – бесплатных пирожных не бывает.

Прихожу домой, а мамы нет. Такая вот ерундистика. Ну, думаю, в магазин пошла или мобильник папин оплатить. Он сам никогда до таких мелочей не снисходит. Нюанс – оплата производится из выделенных на питание денег. Значит, маме снова придется кроить бюджет.

Приняла две но-шпины, одна из которых зловредно прилипла к нёбу, подло прогорчив весь рот. Стрихнин какой-то, а не лекарство! Еле выполоскала. Валяюсь на диване, смотрю телик, в котором показывают либо низкохудожественную рекламу, либо не менее качественные отечественные сериалы. Отыскала фильм про сурикатов, это звереныши такие забавные, на человечков похожие. Лежу, наслаждаюсь. А мамы все нет. Странно, я всегда уверена была, что, пока мы отсутствуем, она сидит дома. Как канарейка в клетке. Домохозяйка обязана быть домоседкой. Когда в магазин не ходит или по другим хозяйственным делам.

А ее до сих пор где-то носит. Непорядок, понимаешь ли! Прав был старик Нил – та еще штучка.

Сурикаты оказались неплохим успокоительным – мое болезненное состояние на время задремало, задремав и меня.

За час до предполагаемого папиного прибытия я проснулась от скрежета ключа в замке. Ага! Явилась не запылилась.

– Почему не в институте? – с легким раздражением спрашивает мама, пристально рассматривая мою помятую рожу.

Вероятно, выгляжу я не слишком шикарно – теперь на меня взирают с заметной примесью недоуменного сострадания.

– А ты где была?

У нее, вопреки моим ожиданиям, нет в руках пакетов. И целую секунду лицо было такое, словно застучали с поличным.

– Не бурчи. В церковь ходила.

Врет. Столько времени там не проводят. Да знаю я, что врет. По глазам видно.

– Действительно была. Нечего на меня так пялиться.

Выуживает из сумочки неприятного цвета церковную свечку, из кого они там их лепят?

– Надо зажечь. Сегодня твои именины. Там торт в холодильнике. Сейчас переоденусь, чаю попьем.

– Я кофе буду.

– Тебе сегодня от кофе лучше воздержаться, – проницательно уточняет мама.

Так я узнала, что у мамы кроме необычайно красивого лица есть какие-то свои дела.

Узнала. И благополучно забыла. Пока не случилась эта мутная история с аэропортом.

Глава 8

После нежаркого дождливого лета началась на диво сухая солнечная осень. Листья почти не пострадали от ночных понижений температуры и сверкали, как прилавок с цитрусовыми. Красные оттенки только изредка мелькали на макушках кленов. Случались даже полностью зеленые экземпляры. В общем, что и говорить – тепло было.

– Жаль, что зима такой не может быть. Класно было бы, правда? Прикинь, теплая весна, солнечное лето, сухая осень с температурой не ниже плюс десяти. А потом тоже типа осени, но уже около нуля и не дольше месяца. Снег два раза: на Рождество и Новый год. И чтоб большими хлопьями. Ладно, пускай даже полежит с недельку, чтоб фуфлыжники оторвались. Мне не жалко. – Моя болтовня не мешала Игорю материться на Шумахеров хреновых.

Мы носились с утра как угорелые, чтоб вечером достойно отметить его день рождения. Вдвоем. Сначала намечалось кафе, где сгрудятся его сотоварищи. А потом мы на пару рванем к нему домой. Я впервые останусь на ночь.

Раньше как было – любовь урывками в те дни, когда Игорю можно позднее появляться на работе. А тут все по-взрослому. Естественно, я пребывала в предвкушении небывалых восторгов и от этого слегка куролесила, слагая оду Игорю на день рождения. «Не помню, сколько лет назад ты в жизнь вошел с веселым криком. Сияла мать, отец был рад. Соседи радовались дико».

Мои стихи сопровождались матюгами в адрес нехороших водителей, но в целом Игорь признал во мне талант к рифмоплетству. После чего поинтересовался обстановкой в доме.

– Мама не сильно ругалась? Все-таки ты ночевать не придешь?

На мой взгляд, его слишком тревожит мамино мнение. А что, спрашивается, ей нервничать? Черт возьми – я до сих пор с ней советуюсь. Например, что надеть. Или что приготовить Игорю на ужин.

Нет ни одного повода для маминого беспокойства. Меньше знает, лучше спит. И зачем ей быть в курсе моих прогулянных лекций? Правильно – незачем. Вот если бы мне позволили почаще ночевать у Игоря, то потребность в прогулах отпала бы. Только спрашивать у нее мне как-то неохота. Я даже вообразить такое не могу.

– Мама, я теперь дома ночевать не буду. Мне типа потрахаться хочется...

Бррр. Язык не повернется. Даже на вежливый вариант вопроса.

Папа вообще не обращал на меня ни малейшего внимания, он был снова тщательно выбрит и изволил размножаться где-то на стороне.

Игорь шелестел списком, сверяясь с которым, мы затаривались продуктами к праздничному столу. Оказалось, что забыли купить хлеб. Пока искали, где припарковаться у ближайшего магазина, Игорь вспомнил про очередного товарища. Которому пообещал дать зубило. Хрень какая-то. Неужели сейчас в стране настал дефицит зубил? Скажите, вам бы понравилось, если бы пришлось переться к черту на куличики с зубилом наперевес? Я сразу зачислила незнакомого мне товарища в список наглецов, которым влом дойти до ближайшего лабаза за инструментом. Что за люди в самом деле, сами палец о палец не ударят. Сядут на шею и ноги свесят. Впрочем, Игорю виднее, кого и когда одаривать такой незаменимой вещью.

Чужой район. Неподалеку от выезда на Пулковское шоссе. Только мы свернули за угол – красный свет на светофоре. Стоим. Ждем зеленого. Рядом новенькая алая машина с открытым верхом. Кабриолет. У Игореси не машина – танк. Высокая такая. А в той низенькой сидит интересная женщина. Я ее хорошо вижу, она с моего борта.

– Игорь, – шепчу я, скатываясь вниз, – я сейчас с ума сойду. Там моя мама в машине! Одна! За рулем!

Даже не знаю, чего я больше испугалась. То ли того, что она меня застучает за прогуливанием института, то ли того, что это и правда не двойник-близнец, а моя родная мамочка.

Игорь наклонился. Пытается получше разглядеть, из-за кого я психанула. Но тут загорелся зеленый. Алая машина стартанула с места будьте-нате.

– Слушай, малыш, по-моему, это кто-то другой, – с сомнением в голосе пробормотал Игорь, пытаясь нагнать исчезающее алое пятно.

– Ага! Ты и сам не уверен! Это она, верняк. Только одета по-другому. Я у нее такого белого шарфа не видела. Повязала, как платок, очки нацепила – думает, не узнаем. Ха!

Пробок сегодня в этот час не случилось. Поэтому Игорь, охваченный азартом преследования, сумел осторожно прицепиться на хвост кабриолета, не привлекая ненужного внимания со стороны гибэдэдэшников.

– Нам ей на глаза показываться не стоит. Давай проследим, куда она едет. Может, удастся получше рассмотреть.

– Ай да мама! Как аккуратно ведет машину! А мой папа говорит, что баба за рулем страшнее бешеной макаки с гранатой.

– Чья бы корова мычала, – обидно ухмыльнулся Игорь. – Твой папаша регулярно раз в квартал долбится обо все что ни попадя. Как только права не отобрали?

Да, он такой, дэтэпэшник со стажем. Анти-ас.

– Она в аэропорт пробивается, – понимающе сообщил Игорь, словно говорил не про хрупкую женщину, а про матерого спецназовца во вражеском тылу.

Второй раз я увидела эту таинственную женщину уже вне машины. Когда она преспокойно шла к зданию аэропорта. Походка легкая, осанка, как у гимнастки. Нет. Моя мама так не ходит. Она словно всегда пытается занять как можно меньше места, как мышка среди эскадрона котов.

Мы попытались скрытно, из-за автобуса, подсмотреть, что же будет дальше.

Во-первых, это действительно оказалась моя мама. Во-вторых, одета она была в жутко элегантный костюм бежевого цвета. Я тоже такой хочу! В-третьих, ее там ждали аж два представительных мужика (если б не Игорь, я бы захотела и их).

Маме уважительно облобызали ручку, отчего я неконспиративно присвистнула. Игорь отвесил мне обидный подзатыльник.

Мужики тем временем передали маме черную канцелярскую папку, коротко поговорили и откланялись.

В этот ответственный момент наше прикрытие – двухэтажный бело-желтый автобус – бесшумно отчалило. Выставив нас на всеобщее обозрение.

Стоим как две баржи посреди пустыни, а еще нам в жопы «фольксваген» какой-то сигналит, зараза.

Мама развернулась, едва скользнув безразличным взглядом по нашим выдающимся фигурам. И была такова.

Пока поругались, пока до машины доскакали, ее и след простыл.

– Слушай, может, нам померещилось? Бывают ведь жуть как похожие люди, а?

– Малыш, не обольщайся. Она даже ходит как твоя мать.

– Ни фигя подобного! Мама не может так ходить, она всегда сутулится. А эта тетка знает, что привлекает внимание, и ей по барабану. Вот так!

Я тут же наглядно продемонстрировала свой аргумент, заработав пару одобрительных посвистов со стороны брюнетистых водителей. Сделала эффектный разворот. Мимо ног прошелестел путешествующий пакет из-под чипсов, едва не сбив меня с ритма. Аккуратист Игорь дал ему пинка в направлении близстоящего автомобиля.

– Вот дурная. Собственную мать теткой называет. Она это!

Вместо ночи любви получилась ночь многократного перетирания подробностей. Доперетировали так, что к утру мне вчерашнее происшествие показалось нереальным до смешного.

Кроме того, на следующий день у мамы был такой обыденный вид. И костюма с шарфиком я не отыскала. Как ни старалась.

Глава 9

В комнате выставлены пресловутые чемоданы с развязанными пастями. Впервые папана самостоятельно собирается в дальние края. Которые, кстати говоря, расположены не так и далеко.

– Мама где? – задаю я подходящий к случаю вопрос.

Скомканные брюки никак не желают впихиваться в общую кучу-малу. Предприимчивый упаковщик становится на них ногами, бессмысленно уминая свой перелетный гардероб.

– Сейчас явится, – вздыхая, как вековая корова в стойле, отвечает мой папа. – Поползла денег на телефон кинуть.

Не стоит уточнять, на чей. Мама не владеет такой полезной штукой, как мобильник. Она – активно против. Мол, он будет меня тревожить, от него вредное излучение, да и пользоваться я им вовек не научусь. Раньше подобные отбрехи звучали убедительно. Особенно для папы. Ему признание в бабской некомпетентности как бальзам на душу. Но теперь я подумываю, что возмутительное неприятие мобильников объясняется простым желанием отрезать себя от нас, когда мама находится вне дома.

Может, мне все привиделось. Может, и не было этого чудесного алого кабриолета? Дурацкая машина. На таких должны ездить блондинистые куклы на содержании. Я бы точно не купила такую нарочито вызывающую тачку. Мне больше по сердцу «танки», но чтоб внедорожник был именно внедорожником, без дураков. Хотя маленькая машина в городе имеет свои преимущества. Но не кабриолет же!

– Послушай, отец родной, а почему ты все время обзываешься? – внезапно для себя самой начинаю орать я.

Папаша, намертво завязнув в чемодане, отворяет удивленный рот. В котором обитает некрасивый белесый язык.

– Задрал ты совсем со своим «поползла»! Она тебе не насекомое! Ты кто? Король? Бог? Гений? Еще раз услышу, что ты на маму наезжаешь, позвоню на фирму и генеральному пожалуюсь. Он маму сам знаешь как уважает. Он тебя, говнюка, вмиг вышвырнет. Да и вообще, пошел бы ты... к своим теткам. Хватит тут воздух портить.

Пытаясь выудить ноги из чемодана, папа запутывается в одежде и с грохотом валится на пол. Думаю, он хотел врезать мне, вон как руками махал.

– Сучка! На кого рот разеваешь! Вы без меня дня не проживете, дармоедки!

А вот азарта в голосе нет. Угроза наябедать генеральному возымела действие, поскольку – чистая правда. Уволит.

– Повтори, что сказал! Дармоедки? Да на твои подачки блоху не прокормишь. Даст рубль, а сам сожрет на сто. Жмот.

Думаю, зря он мне не накомстил. Это бы все упростило. Но папаша сам понимал, что нанесение очевидных телесных повреждений – прямой путь к пожизненному вынесению из квартиры. Возможно, вперед ногами – у Игоря рука тяжелая. Да и за маму я не ручаюсь.

Она – тихоня, но в случае причинения вреда ребенку способна стать беспощадным зверем. Я это не понаслышке знаю. Как-то она при помощи простой хозяйственной сумки вырубилла неvezучего подвыпившего хулигана, когда тот набросился на меня в парадной. Он требовал на бутылку, а получил апперкот картошкой.

Отгородившись столом, я снова сосредоточилась на бескровном конфликте с папашей. Надо было подставиться, занять уязвимую позицию и клеймить его, пока не выйдет из себя. После стадии рукоприкладства можно смело вызывать милицию. Узрев чадушко с украшением в виде фингала, мама бы проснулась от сплина и высказала папашке все, что о нем думает... Кстати, а что она думает?

Когда мама вошла, мы скакали по квартире как обезьяны, горланя во все горло. А она просто протянула ему чек. Потом заново уложила шмотки в чемодан. Аккуратно. Молча. Как всегда.

С лицом оскорбленной добродетели распаренный папаня поставил синюю керамическую вазу на место. Я в ответ то же самое сделала с розовой стеклянной. Мамин приход отменил соревнования в баллистике.

– Дура!

– Сам дурак! – по моему лицу было ясно, что примирение невозможно.

Фыркая, как кофеварка, папа сгинул в дверном проеме.

Скатертью дорожка!

Размахивая руками, словно ветряная мельница, я вполголоса напевала забытый детский стишок. Вместо торжественного победного марша.

«Ты мне больше не подружка, я тебе больше не дружок, не бери мои игрушки и не писай в мой горшок. Между нами все порвато, все тропинки затоптаты, мама купит мне козу, я тебе не показу. И вообще скажу на ушко – ты болотная лягушка».

Чмок. Чмок.

Прощай папаня. Не кашляй.

Несмотря на мою врожденную любознательность, воспоминания о странной встрече в аэропорту как-то стерлись из памяти. Быть может, виновата моя привычка не биться лбом о стену, если проблема не решается сразу. Быть может, причина в моей убежденности в маминной заурядности. Или плотная занятость одуряющим коктейлем из любви и учебы. У меня даже не было времени остановиться и подумать, а куда я, собственно, спешу? День прошел – и фиг с ним. Неделя – туда же. Год? А чем он лучше? А потом институт взял и кончился.

Глава 10

Первая попытка влиться в ряды работающей молодежи оказалась, скажем, неудачной. Презрев мамино предложение занять теплое место на ее бывшей фирме, выбор места приложения знаний я оставила за собой. Наивно посчитав, что большинству выпускников никто не помогает. Естественно, к такому решению меня привело не только наличие долгожданного высшего образования, но и убежденность в собственной неотразимости.

Обшарив Интернет, я выискала подходящий хомут себе на шею и, пройдя инквизиторское собеседование, приступила к своим обязанностям в обществе себе подобных. Должность оказалась крохотной, но овеянной перспективами карьерного роста. Потом развесистая клюква из посулов сменилась почти бесплатной пахотой в период испытательного срока, что привело не к возделенной должности, а к унижительному увольнению. Сопровождающемуся пожеланиями из категории непечатных. Короче – меня использовали и послали на фиг. Я вышла из себя и сказала им много лишнего. Остальные изгнанные не протестовали так бурно, поэтому им вслед ничего не несло, кроме меня. Скажу честно – поплакала немного. Сговорившись, мы в тот же вечер поделились мнением о фирме с сообществом. Но вместо «спасибо» за полезную информацию получили совет сначала спрашивать у народа, а потом нести заявление о приеме на работу. Оказывается, кидалова много. Кризис виноват, блин. Да не виноват он ни разу. И до кризиса выпускников универов кидали по-черному.

Измочаленная нравственно и физически, я решила во всем искать полезное и порадовалась непродолжительности пройденного урока. Игорь мне сочувствовал, не прибегая к таким убойным аргументам, как «а я тебя предупреждал». Меня все предупреждали, и что с того? Все, кроме мамы.

Поняв, что я не желаю устраивать себя по блату, она произнесла: «Пробуй». Как будто мне требовалось отведать свежесдобитый блин. Да, первый блин получился комом, но лето только начиналось, а впереди раскинулась вся моя жизнь. В которой, как ни прискорбно, предполагались не только расцвеченные счастьем моменты, но и такие жалкие субъекты, как мой папаша.

По счастливому стечению обстоятельств именно я открыла дверь, когда отец вернулся из якобы отпуска. Стоит, смотрит на меня, как самая глупая в мире утка.

– Попрощаться заскочил? Прощай!

– Ты что, ума лишилась? Отойди, я устал, я есть хочу.

– Как моя сестренка поживает?

Благодаря словоохотливой бабушке я уже в курсе – у меня родилась сестра. Без малого три кило весом. А я почти четыре весила. Бедная мама. Теперь папа решил повторить проверенный фортель с мнимой командировкой и удрать от этих самых трех кило.

– Что ты несешь? Какая сестра? Замолчи сейчас же, – шипел папаня, прикидывая, слышала ли мама последние слова.

Не знаю, что она успела услышать, но меня мягко оттеснили, чтоб впустить незадачливого осеменителя в дом. Папаша всего неделю прокантовался с нами, а затем тихо, без скандала удалился к новой семье, оставив странную записку со словами: «Я еще вернусь».

Терминатор хренов.

Глава 11

Выстраданное право побездельничать позволило мне высыпаться до состояния опухшего лица. Потом как-нибудь трудоустроюсь. Мама меня не будила, исчезая без комментариев чуть не каждый день. Просыпаясь на минуту, я с наслаждением вспоминала про проклятого работодателя, желала ему сто футов над килем и проваливалась в новый сон. Ближе к полудню появлялась мысль о завтраке, но встать было лень, а в утренней полудреме так хорошо думалось.

Прокручивая во всех подробностях эпизод с аэропортом, я все больше утверждалась в мысли, что мы с Игорем либо обознались, либо все это было для мамы случайным событием. Например, она выполняла просьбу какой-то давнишней знакомой. Для чего взяла у нее напрокат машину и одежду. Чтоб отвлечься от скучного быта. Чем не вариант?

Теперь, когда папа сгинул в пучине памперсов, мама совсем распоясалась. Что ни день – то встречаемся только к вечеру. Один раз я попыталась встать пораньше, но выяснилось, что она уже улизнула. Заглянула в контакт. Сообщений нет. Новости тухлые. В группах тоже голяк. Ничего интересного. Тоска зеленая.

От скуки я забрела в гости к деду Нилу. Там в просторном коридоре под тоскливый музыкальный аккомпанемент горевали четыре старухи. Пронафталиненный аромат крапчатого пиджака перебивали нежные запахи модных духов, экспроприированных у дочерей и внучек. Дед выглядел беспечным прожигателем жизни, навеки оккупировавшим вражескую территорию.

– Вот. Конфеты к чаю, – опасливо поглядывая на здоровенную дворнягу, развалившуюся при входе в комнату, сообщила я. – А с чего такие печальные?

Остановив хриплые переборы гармошки, дед зловредно рассмеялся, явив миру полный набор здоровых зубов. Длинных и коричневых.

– Да все собачка эта виновата, – с достоинством пожаловалась самая мелкая и кроткая старушка в цветастом шерстяном платке и с пятнистыми руками.

– Собачка тут ни при чем, – поучительно возведя ввысь указательный палец, запротестовал Нил. – Это некоторым наука, чтоб неповадно было свою старость по тумбочкам раскладывать.

Уязвленные старушки пригорюнились, только та, что в соломенной шляпе и двух юбках одновременно, вызывающе выпрямила спину, доказывая товаркам, что старость – это не про нее.

– Хороший песик, – неискренне похвалила я угрюмого черепастого барбоса.

– Как же! Хороший! Как чужое жрать – так прям такой хороший, чтоб ему пусто было, заразе. – Поймав строгий взор Нила, возмутительница спокойствия тут же остыла, не желая быть изгнанной из романтического рая.

– Они когда табачок прочувствовали, стали при входе свои протезы на тумбочку складывать. Значит, чтоб об пол не хрястать. А то как пойдет у них здоровый чих, вечное дело – зубы только так выскакивают. Никакого пиетета перед противоположным полом.

Старухи обиженно потупили глаза.

– Ты мне не перечь! – вдруг грозно рявкнул Нил. – Нет такого права собаку винить. Она по природе своей – зверь и грызть обязана.

Хваленый зверь встрепенулся, подобрался поближе и с удовольствием потер глаз об угол сундука. Потом обнюхал содеянное, вылизал и потер снова.

– А мне теперь без зубов вроде как лучше. Я свои протезы всякий раз переделываю, больно они неудобные. Уж поди шесть штук на столе лежат.

Хорошо, мы отдельно от бабушки живем. Я бы точно окоचурилась от такого натюр-морта.

– Значит, песик сгрыз все ваши челюсти? – из вежливости я решила поддержать познавательный разговор.

– А то как же, – злорадно подтвердил зубастый дед. – Теперь чиху ничто не препятствует.

Судя по выражению лиц присутствующих дам, чих все-таки создавал определенные неудобства, однако на такие случаи есть прокладки и памперсы, а под обширными юбками их не видать.

Отказавшись от щедрой понюшки, я поплелась домой, обдумывая мамины странности.

– Думаю, у нее в лучшем случае есть любовник, – поделилась я с Игорем своими предположениями.

– А в худшем?

Озвучить худшее я не могу. Представить мою маму в роли проститутки по вызову не получается.

– Не дури. Я тут пробил номер ее машины через знакомых... Ты сидишь?

– Лежу.

– Тогда слушай. Это действительно ее авто. Собственное. Но новость не в том. У нее есть еще внедорожник. И мотоцикл. Лежишь? Так вот, повторяю – у твоей матери есть мотоцикл! Ты хоть оцени момент. Твоя мать – отвязная байкерша.

– Хрень какая-то, – на более разумный ответ не хватило фантазии.

Пришлось сесть, облокотившись на подушку.

– Она и со скутера свалится, – неуверенно протянула я, скрывая длинный зевок.

– Это ты свалишься. А она – классный водила, поверь мне на слово. Не заморачивайся. Может, это не она вовсе. Может, в городе проживает ее полная тезка. С ее же датой рождения. Сестра-близнец, например. Доберусь до дома – попробую уточнить по базе данных.

– Не старайся.

Близнеца у мамы точно нет, но вот мою версию о щедро оплачиваемой любви новая информация не опровергала. Скорее наоборот. Кошмар! Моя тихая, скромная прародительница – востребованная извращенка. Конечно, извращенка, иначе как бы она смогла столько заработать, кувыряясь с богатенькими буратинами? Их надо сильно удивить, чтоб с денежками расстались. Сейчас малолетних трахальщиц пруд пруди, по пятьсот рубликов придорожный пучок.

Кроме того, бабушка как-то упоминала про старого гриба на Невском. Тогда мне гриб показался нелепым обвинением, но, выходит, бабушка была права. Мама с грибом – фу, какая гадость.

Пора принимать меры. Допрос? Отпадает. С мамой такая тактика – глухой номер. Надо проследить за ней, куда ее носит. Снова хватаюсь за телефон.

– Игорь, шлюхи днем работают?

– А я почему знаю?

– Выясни, – почти закричала я.

– Ты все-таки свихнулась! – обрадованно завопил Игорь в трубку, несмотря на то, что его наверняка слышали сотрудники.

Я с досадой представляю их заинтересованные лица.

– Щас, все брошу и поволокусь снимать проституток. Для разгара рабочего дня некая перспектива. Решено. Раз ты настаиваешь – я согласен. Мчусь!

Немного поостыв, я пошла на попятную.

– Я же не буквально. Ишь, как обрадовался.

– Остынь. У меня сейчас шквал работы. Вечером обговорим, что делать. Тем более что у меня есть кое-какие идеи. Более разумные, чем у некоторых, – язвительно прибавил он. – Хотя твоё предложение мне понравилось.

Мама появилась около семи, когда мое терпение вскипело и, булькая, перевалило через край. Держать себя в руках трудно, но, оказывается, вполне возможно. Особенно на голодный желудок. А учитывая то обстоятельство, что вместе с мамой в доме запахло снедью, то мое решение погодить с разборками неудивительно.

Еда была вкусная, а главное – её было много. Кроме того, она относилась к категории пищи, с которой не надо предварительно торчать у плиты. Сейчас много вкусного продают для занятых людей. Салатики всякие, готовое мясо, запеченное в чем-то аппетитном, нежные ломти жареной рыбы. В общем, если деньги есть – покупай да ставь в микроволновку.

Уплетая за обе щеки, я чуть не подавилась свежей идеей: денег папаня нам ни копейки не оставил.

Что не помешало маме выделить мне достаточную сумму для поездки в Прагу. Вместе с Игорем. У него в рабочем графике образовалось окно в пару недель. Изрядный кусман отпуска. Конечно, он и так собирался взять меня с собой. Но теперь я при деньгах, так что, раз предложения руки и сердца мне пока не сделали, поеду за свой счет. Хотя, конечно, был соблазн заначить мамин подарок, ничего не говоря Игорю про деньги, и поехать на халяву. Но, во-первых, я девочка почти честная, а во-вторых, вроде как неудобно. Вдруг потом в разговоре выплывет. Мама с Игорем как-никак общаются. Хотя соблазн был, да еще какой. Ведь на эти денежки можно купить всяких красивых заграничных вещей.

В ответ на робкий вопрос, из какого источника она начерпала такую кучищу денег, прозвучало неопределенное «накопила». Выждав некоторое время, я сообразила, что дальнейших комментариев не предвидится. И уговорила себя не беспокоиться по пустякам. Вот такое я дерьмо – не отказалась от подарка. Мало того, еще и к бабушке заглянула в гости, но деньгами там не одарили. Вероятно, все идет в сторону новорожденного младенца. Пора свыкнуться с неизбежным: теперь этот финансовый источник для меня иссяк.

Мысли о красивых пражских обновках пришлось оставить до лучших времен. Оставалось определиться, а в чем я, собственно, буду там щеголять.

Поразмыслим, чем выделяется турист, прохлаждающийся по улицам моего родного города? По каким внешним признакам мы отличаем его от соотечественников? Да тем, что он одет почти по-домашнему небрежно. Если по проспекту, окруженному архитектурными жемчужинами, бредет, поглядывая по сторонам, пожилая пара в шортах и шлепанцах. Не сомневайтесь – туристы с окапиталистиченных мировых окраин. Им чем комфортнее, тем лучше. Хотя сомневаюсь, что они у себя дома в таком затрапезном виде рискнут выползти в ближайший магазин. Впрочем, кто их знает...

Решив выглядеть респектабельнее принцессы Дианы, естественно, в период до катастрофы, я торжественным жестом распахнула дверь своего платяного шкафа. Откуда незамедлительно вывалилась стайка разноцветных топиков. Мятых. А чего им не быть мятыми, если в последнее время шмотки приходится заталкивать чуть ли не ногами. Оставалось пораскинуть мозгами, почему в шкафу такое количество утрамбованной одежды.

Жестом экскаватора вывалила содержимое всех полок на пол, чтоб без усилий рассортировать их по сезонам. Получилась полная ерунда. Сто пятьдесят тыщ свитеров, из которых только два приемлемого качества и вида. Кстати, купленные мамой. Остальные были приобретены мной за копейки в секонд-хенде.

Вот и ответ на вопрос. Похоже, мое пристрастие рыться в кучах недорогого и, возможно, фирменного шмотья сыграло со мной злую шутку. Особенно неприятную тем, что чаще всего я надеваю вещи, подаренные мамой. Уж не знаю, где она отыскивает такие модные и качественные наряды, но не на ширпотребном рынке точно.

Азартно рассортировала свою одежду на «хорошую», «для дома» и «на выход». Все не попавшее в эти категории я затолкала в мешки для мусора, чтоб вынести на помойку. Получился собственный секонд в соответствующей упаковке.

Сунула босые ноги в кроссовки и двинулась вдоль дома по растрескавшемуся асфальту под аккомпанемент дерущихся воробьев. Иду быстро, чтоб не нарваться на любознательных.

Секонд – это вторые руки, за поворотом вещи были тут же переименованы в триконд. Колотя пластмассовыми банными тапками по пяткам, меня настигла соседка. Запыхавшись от бега, она издавала звуки, напоминающие: «Постой, что скажу». Ей не терпелось выяснить, не собралась ли я переезжать. Вопрос оказался поводом отобрать не нужную мне одежду. Которая, как оказывается, очень даже сгодится в деревне.

– Это же не ваш размер, – захваченная ее напором, отбивалась я, не желая, чтоб эти узловатые «третьи» руки рылись в моем шмотье.

– Не беда. Если не подойдет, я ковриков наплету. Знаешь, такие красивые коврики получаются. Лучше всего из кримплена. Я и тебе подарю, не сомневайся.

Не зная точно, что такое кримплен, я и не думала сомневаться – одарит. Только вот куда ее рукотворчество потом девать, ума не приложу.

– А вы можете сделать такие небольшие, чтоб попа на табурете не мерзла?

– Я все могу. По осени сама увидишь. – Перекинув мешки на спину, она тяжелой поступью груженной лошади удалилась в свою парадную.

Секонд, триконд, теперь еще и четыре-поджопенд табуретковый.

Возвратившись домой, я с чувством гордости осмотрела просторное нутро шкафа. И в который раз поклялась не покупать очертя голову все, что кажется таким миленьким поначалу, а впоследствии оказывается хламом. Который годится исключительно на коврики.

Инвентаризация навела меня на удачную идею, которая должна была в скором времени развеять туман маминой таинственности.

Глава 12

Как только за мамой закрылась дверь, я осторожно выглянула в окно – удостовериться, точно ли она ушла. Ага, вон ее фигура к остановке движется. Значит, можно приступать.

Обшаривание квартиры заняло почти три часа без малого. Нашлись мои детские рисунки, моя коса, состриженная в десять лет, мои смешные младенческие фотографии, где я щеголяю голой упитанной попой. Слово «нашлись» не совсем уместно. Просто весь этот ясельный антиквариат аккуратно был сложен вместе с фотоальбомами на полочке. У мамы все по полочкам, в строгом порядке, без микрона пыли.

Признаюсь, я с детства не лазила по недрам родительских шкафов. Вот когда была маленькая – случалось. После Нового года азартно перерывала все закоулки квартиры, даже в кастрюли заглядывала. Так надеялась отыскать еще один подарок от Деда Мороза. А лучше – несколько. До сих пор помню жгучее разочарование, когда к вечеру первого числа становилось понятно, что ничегошеньки Дед Мороз не смыслит в психологии маленьких девочек.

Маму мои поиски сильно раздражали.

В четвертом классе я подралась с соседским мальчишкой, который доказывал мне, что никакого Деда Мороза нет. Рыдала как умалишенная. Пока в углу стояла. Наказанная за рукоприкладство.

Обыск родительской вотчины принес сплошное расстройство. Правы были мои подружки, утверждающие, что мама плохо одевается. Такое все дешевое, заношенное. Особенно нижнее белье. Я б такие трусы ни в жисть не надела. Такими трусами из мужиков делают импотентов. А лифчики! Караул. Лямки крученые-перекрученые от старости. А я-то думаю, почему у нее грудь такая бесформенная. Нет, это не нижнее белье, а верх ветхости. Так руки и чешутся выкинуть хлам этот в помойку. Желательно подальше, чтоб бомжихи не смеялись.

Странно, а мне покупает все лучшее.

На папиных полупустых полках красовалась яркая нарядная коробка. Естественно, я сразу сунула в нее нос. Внутри под тонкой шуршащей бумагой покоился черный кружевной сексуальный гарнитур. Женский. Трусики, лифчик на косточках, пояс и чулки. Сначала я обомлела – неужто папаша наряжается. Вообразила его нескладную фигуру в кружевах. Окаменела от ужаса. Потом решила, что он для любовницы купил и запомнил подарить. Хотя вряд ли – белье надеванное. Только потом до меня доперло. Он маме выдавал эту красоту в те дни, когда...

Я расплакалась.

Да насрать сто куч, чем она там на стороне занимается. Пусть хоть голая по сцене скачет. А вот как папаня, жмот поганый, вернется – сама его взашей выгоню. И глаз подобью.

Глава 13

Утром, ближе к полудню, когда завтрак был съеден, а в голове появилась некоторая ясность, у меня созрел генеральный план.

Проживя с мамой бок о бок столько лет, я ни разу всерьез не задумывалась, что она не только принеси-подай, а человек. Глупо сказано, она не только человек, она женщина. Блин, еще хуже звучит. В общем, с ней что-то не в порядке, а я сижу сложа руки и за свою жизнь ничего для нее не сделала. Впрочем, если задуматься, то я вообще ни разу ничего не делала такого. Звучит еще грустнее. Хорошо было тем, кто воевал с фашистами. У них что ни день – сплошной подвиг, а мы тут вошкаемся как сволочи. Правда, на ниве настоящего героизма приоритет принадлежит мужчинам, но тут уж я ничего не могу поделать, что выросло, то выросло.

Машинально приговорив несколько конфет, я загоревала. Так можно всю жизнь прозябать в мелочных заботах, а кто-то тем временем спасает малышей из горящего дома и отдает свою жизнь на благо отечества. От пафосности последнего умозаключения мне стало тошно. Пришлось снова кипятить чайник, надеясь, что чашка кофе заставит мозги работать в нужном направлении. Отпив глоток, я уверилась: надо быть проще, хочешь быть героем – геройствуй.

Итак, мне захотелось свернуть горы, совершить подвиг. Или хоть какой-то стоящий поступок, который позволит мне уважать саму себя. Черт, снова получается, что я для себя стараюсь.

В этот раз все будет иначе – поступок будет всецело посвящен маме. Я деликатно выясню, чем она занимается. Пойду работать. Вызволю ее из кабалы. А потом мы заживем счастливые. Понятное дело, когда-нибудь я выйду замуж. Надеюсь – за Игоря. Мама поймет, что мне помощь больше не нужна. Тогда она снова вернется на работу, и ее кошмарный сон закончится. Еще бы неплохо показать ее психоаналитику. Что-то с ней не в порядке. Не может женщина впадать в добровольное рабство, отказываясь ради мужа от своей индивидуальности. Еще лучше – попутно прибить папашу, но такой расклад был отвергнут в силу откровенной его криминальности.

Такой вот вполне выполнимый план. Неплохо, правда?

Я – молодец.

Для начала пришлось поделиться своими гениальными идеями с Игорем. Он одобрил. Но предложил для очистки совести сначала попробовать поговорить с мамой по душам.

Совет оказался невыполнимым.

– Мама, я уже выросла. Значит, мы может быть откровенными?

– ?

– Я про то, что твое поведение меня беспокоит.

– ?

– Не делай бровки домиком, морщины на лбу появятся. Я знаю, что ты почти каждый день куда-то уходишь.

Снова молчит, чуть улыбаясь.

– Я видела тебя в аэропорту!

Мой козырь не произвел ожидаемого впечатления.

– Ты живешь двойной жизнью. – Сама понимаю, что прозвучало патетически. – Я хочу тебе помочь!

– ?

– Ну, ответь, наконец, где тебя носит? Может, ты в секту вступила? Мы тебя вытащим.

Сложенные в замок руки подпирают подбородок. Внимательный взгляд, от которого мне хочется укрыться, например, под столом.

– Я не вступила в секту. До этого разговора я была уверена, что мне ничего не угрожает.

– Ты скрытная...

– Да. И впредь прошу не совать нос в мои дела. Тогда все будут счастливы.

– Ага. Особенно папа.

Мама усмехается.

– А тебе его так жаль?

Честно говоря – нет. Но так хочется выяснить, в чем тайна мадридского двора.

– Ты просто избалованная девочка, не уважающая мое право на свою жизнь.

– Почему ты с отцом не разводишься?

– Жду.

– Когда он сам уйдет?

– Так будет лучше. Для всех.

– А почему? Я бы такого гада и дня терпеть не стала.

– А тебя никто и не заставляет. Как отец он был неплох. Это раз. Два – ты уже взрослая и понимаешь необходимость в сексе. А в моем возрасте секс важен для здоровья. А три – если он уйдет сам, то, скорее всего, не будет делить твою квартиру. Хотя и это не важно.

– Еще бы. Ты тогда его мамаше, бабушке то есть, из комнаты в коммуналке трешку выменяла. А почему «не важно»?

– Нервы важнее. Ты что, своего папу не знаешь?

Я сделала пробежку по кухне, по пути бессмысленно переставляя посуду с места на место. Мне пришло на ум, что инициатива разговора остается за мамой, потому что я отчего-то робею.

– Значит, не скажешь, откуда у тебя машина?

Мамина улыбка перестала быть приятной.

– Последний раз говорю, хочешь жить спокойно – забудь.

– Ты – проститутка?

Мамино лицо каменеет. Над верхней губой появляются мелкие капельки влаги. Прищур глаз не предвещает ничего хорошего.

– Если не проститутка, то кто? Наркокурьер?

– А говорят, что дураки живут только в соседних парадных.

Жесткий взгляд на хищном лице. Минута – и передо мной прежняя мама, излучающая всем своим видом безмятежное добродушие.

– Твои фантазии звучат по меньшей мере глупо. Я очень прошу тебя – забудь.

Хрен я теперь забуду. Ее ослиное упорство навело меня еще на одну мысль. Наверное, мама все-таки работает наркокурьером. А по совместительству проституткой. Иначе как объяснить такую перемену в ее лице от моего последнего вопроса?

Теперь, пока не узнаю, не успокоюсь.

Я ее спасу.

Я такая!

Глава 14

Есть мнение, что после сытного обеда полагается поспать. Опустошив сковородку с немислимо вкусными курячьими грудками, запеченными в чем-то ароматном, я прилегла наращивать жирок. Говорят, что от такого режима может подрасти грудь, а мне ее в последнее время не хватает. Игорь всегда делает стойку, когда по улице дефилирует обладательница баскетбольных мячей, не стиснутых лифчиком. Он с пеной у рта доказывает, что совершенно равнодушен к таким роскошествам природы, но его наостренный вид говорит об обратном.

Ему также приятен вид округлых упругих поп, длинных ног, узких талий и крутых бедер. Но как достичь такого сложного результата, ума не приложу. Получается, надо много есть, одновременно потеть в тренажерном зале. Пока я твердо уверена в пристрастии Игоря к моему лицу, ногам и длинным волосам. Претензий к попе тоже не было, поэтому буду отъедаться в целях отращивания груди.

В сон клонило. Но поспать не удалось.

На лестничной площадке гомонили возбужденные соседки, которых я с детства звала «тетями». Баталия происходила непосредственно под дверьми. А они, как известно, не бетонные.

Вторая попытка уснуть тоже не привела ни к чему.

Голос тети Любы, соседки с первого этажа, скрежетал по тишине, словно гвоздь по стеклу – результат так себе, а слушать противно. В свободное от домашних дел время она славилась военными действиями, направленными на поиск собачьих какашек на прилегающей к дому территории. Неизменно находила искомое и оповещала окрестности громкими воплями. Последующие действия напрочь не укладываются у меня в голове, но приходится признать факт: фекалии неизменно складировались именно под теми дверьми, из которых недавно были выгуляны.

Присев на кровати, я начала прислушиваться.

Второй голос привычно звенел всеми переливами жестяного ведра, которое переносят по пересеченной местности, забыв вынуть из него горсть гаек. С тетей Галей у меня были натянутые отношения по причине ее занудства. Хорошая женщина, но любой через пять минут общения попытается сделать ноги.

Прошлепав босыми ногами по полу, я приклеилась ухом к двери.

Ссорятся из-за чистоты, наведенной вчера перед домом. В кои веки кто-то вспомнил про наш затрапезный домик и пригнал кучу народу и техники, чтоб создать иллюзию ухоженности. Тете Гале такая инициатива как кость в горле. Ей чем хуже, тем лучше.

– Если дом развалится – нас расселят! – аргументирует она свой гнев.

– При чем здесь газон? – логично парирует тетя Люба.

– А почему трубы не поменяли? У нас кран течет пятый год, я из-за него соседей снизу заливаю!

Чем орать, лучше бы кран починила.

– В этой занюханной трущобе ни одного порядочного человека, поговорить не с кем! – Будто, если дом будет больше, кому-то придет в голову с ней дружить.

У нее в квартире прописана чертова орда народу, которую государство пообещало наделить отдельным комфортным жильем. Вопреки здравому смыслу она страстно верит в эту бредовую ахинею.

– Милая моя, – увещевает ее тетя Люба, – покуда наша земля кому-нибудь не приглянется, нас отсюда не выселят.

– Это ты виновата. Зачем было выпрашивать эту уборку? Лучше бы так и оставалось!

– Тьфу на тебя сто раз! – отрезала оскорбленная Люба и в сердцах бабахнула железной дверью.

А вообще-то дом у нас хороший. В парадной чисто, цветы на подоконнике, не воняет, как в многоэтажках. И люди живут хорошие. Только общего мнения у них нет, а так – хорошие. Вот только кто-то постоянно у меня с двери картинку срывает. Я ее снова приклеиваю. Каждый день такая история.

Хорошая картинка, тысяча девятьсот девяносто шестого года творения. Мама в какой-то конторе приглядела. На ней нарисована зверская рожа мужского пола и однозначно бандитского обличия. В девяносто шестом такие рожи были понятны, как сейчас гламурные блондинки. Время было такое.

Так вот, эта самая рожа нарисована с большим знанием дела. Рот, как у гориллы в момент атаки, зубы наголо, челюсть кирпичом, в общем, товарищ не то изображает перемалывание зубами шарикоподшипников, не то действительно пытается улыбнуться. Еще лучше надпись под рожей: «Наша радость от вашего посещения не знает границ».

По-моему, весело и доходчиво. Нормальный здоровый сарказм, направленный например, на моего папаню. Но кто-то из соседей принял шедевр на свой счет и в который раз неаккуратно сдирает мою бумажную собственность.

Ничего, ксерокс есть, клей имеется. Вычислять злоумышленника я даже и не собираюсь. Надоест ему когда-нибудь. А не надоест – расстраиваться не стану.

Глава 15

Черт. Почему меня никто не предупредил о сложностях игры в семейную жизнь? Как только мы оказываемся вдвоем, начинаются дурацкие трения. Я не про секс. Оказывается, секс – только половина в отношениях. А вторая заключается в дележе компьютера и Интернета. Дело иногда до драки доходит. До ссор и обид. Что за дела? Мне тоже хочется проверить почту и выяснить, что и с кем происходит! Может, мне сообщение кинули. Или в друзья кто постучался? Но копм не мой. И каждый раз, когда Игорь нервно вопит про права собственника, мне охота врезать ему по башке. Приходится злобно смотреть телик и ждать своей очереди.

– У себя дома сиди в Интернете сколько влезет. Мне по делу надо!

– А что мне делать?

– Посуду помой.

– Засунь ее знаешь куда?

– Не буду. И перестану тебя любить! Что за хозяйка из тебя получится, если ты тарелки помыть не можешь?

Он прав. Я – хреновая хозяйка. Дома все мама делает.

– Ладно. Вымою. Все-таки готовил ты.

– Я – молодец.

Ну-ну. Он, значит, молодец, а я кто?

– Не ворчи. Новость хочешь? Сегодня отправляемся выяснять все про твою маму, – голосом страшно таинственным и многообещающим сказал мне Игорь.

Как я ни старалась, подробности вытянуть из него не удалось. Одно утешает – скоро тайна перестанет быть тайной.

Поминутно ругая неумелых или наглых водителей уродами и отморозками, Игорь вел машину в сторону центра. И никак не мог отойти от рабочей нервотрепки. В таких случаях нет ничего лучше глупой болтовни. Вспомнив про недавно просмотренную телепередачу, я забросила пробный шар.

– Интересно, а на чем машины ездить будут, когда бензин закончится? Я слышала, что по всему миру изобретают всякое альтернативное топливо.

– Ну, не знаю. На электричество перейдут. Но у нас это не сразу получится. Значит, на газ, – не вникая в суть дела, предположил Игорь, игнорируя наглеца, обогнавшего нас по обочине, а теперь притиравшего нас, чтоб влезть обратно.

– Бляха-муха, сначала на работе урод этот с поставками разродиться не может, а теперь чмо это на «мерине» втискивается. Пошел нах... Малыш, скажи ему, тебе ближе. Ну хоть средний палец покажи. Нормалек. Он видел. Теперь перед «опелем» попробует жало сунуть, козел. Смотри! Нет, есть в мире справедливость.

«Мерин» так и пер по обочине, не сумев сунуть могучее жало перед «опелем». Зато попал в поле зрения млеющего от удачи гибэдэдэшника. Который, не считая нужным скрывать усмешку, распахнул руки в призывном приглашении на дойку.

– Прикинь, поставщик вторую неделю мозги парит, – бормочет Игорь.

Кажется, отвлечь Игоря от работы мне не удалось. Так-так... Надо привнести авантюризма в беседу, а то рабочие катавасии слишком прочно засели в его голове.

– Нефть кончится, электрозаправок пока нет, газ тоже скоро иссякнет. Правда, какие-то умные люди уже начали извлекать газ из отходов. Вроде как им помещения топят, и очень даже выгодно.

– При гниении выделяется большое количество сероводорода. Хорошая штука, только взрывается. Прикинь, надуешь резиновый шарик водородом, а потом стрельнешь в него спичкой – он как долбанет.

– И завоняет, – решила я.

– Но чтобы получить отходы, надо сначала что-то вырастить.

– А если этот хитрый отхожий газ возможно получить из отходов, то его должно быть много в навозе.

– В свином больше, – почему-то уточнил Игорь, по всей видимости, начисто позабыв про необязательного поставщика.

– Класс. Правда, есть один минус: свинью надо кормить.

– Да, жрут они зверски. Зато кашки калорийные.

– В каком смысле? – не на шутку испугалась я.

– В смысле качественного газа.

– И из наших тоже можно этот газ получать?

– А как же. Тут вообще все просто. Коллекторов хоть отбавляй.

Мысленно сравнив вонючий бензин с запахом топлива будущего, я состроила кислую физиономию.

– Вонять же будет. Прикинь, подъезжаешь к заправке, а там куча колонок. Все с вывесками «коровячье топливо», «лошадячье топливо», «топливо от прожорливого борова».

– Человеческий будет самый дешевый, – пророчески предрек Игорь и весело прибавил: – Патент тебе за изобретение. Приехали. Выскакивай.

Престарелый дом, вросшие в асфальт каменные тумбы, не то для привязывания лошадей, не то для того, чтобы эти самые лошади не просочились внутрь двора.

– Это каретный отбойник, – блеснул эрудицией Игорь, забыв сообщить подробности.

Когда глаза привыкли к полумраку, внутри здания можно было рассмотреть вызывающие гипсовые вензеля на потолках. На полу в парадной почти целая узорчатая плитка. Говорят, слово «парадная» употребляют только питерцы. Снобы мы все-таки.

На выеденных ногами ступенях местами сохранились вмурованные ушки для прутьев, чтоб ковер не скользил под подошвами достопочтенной публики.

Вообразив себя в старинном платье на кринолине и роскошной шляпе, непременно с масштабным страусиным пером, я так вошла в роль утонченной дамы, что едва не сняла тонкую перчатку, перед тем как притронуться к массивным перилам. Игорю мой фарс понравился. Он великосветским тоном осведомился, не угодно ли даме посетить замок маркиза Карабаса. Потом изобразил мушкетерский поклон и больно вмазал откинутой рукой по перилам.

– Твою мать, – прошипел он, отвешивая несильный пинок травмоопасной железяке.

– Это тебе не карниз для занавесок, – сочла возможным съехидничать я, напоминая о недавнем происшествии, доказавшем, что мой милый избранник не так уравновешен, как казалось поначалу.

– Тогда все было по-честному. Я старался изо всех сил, а он ни в какую. Надо же было на ком-то сорвать злость? Так что карниз сам виноват.

Едва ли на свете найдется хоть один карниз с более плачевной судьбой. Прожил он после покупки ровно полчаса и был завязан в узелок за злостное неповиновение. Занавески до сих пор валяются где-то на антресолях. Жаль, три дня их выбирали.

– А что он не вешался? – дую на ушибленную руку, стонал Игорь. – Бобошеньки. Жалей меня, несчастного. Сейчас же! А то я весь дом по кирпичику разберу. Понастроили, предки, мать их перемать. Жалей меня немедленно!

Пришлось интенсивно дуть на руку, прибавив для верности приговорку: «У собаки болит, у кошки болит, а у Игорешечки пройдет».

– Мимо, – продолжил Игорь.

– Что «мимо»?

– Пройдет мимо. Подуй еще разок. У тебя такие щеки потрясающие, когда ты это делаешь.

– Отвянь, а? – не на шутку оскорбилась я.

– Ладно. Смотри. Вот она, заветная дверь в кладезь информации. Сделай трогательное лицо и жми на кнопку. Да не такое, а то ты смахиваешь на неудачливого нищего с паперти.

Мы с Игорем некоторое время напряженно слушали злобное эхо звонка, приложив уши к высоченной двухстворчатой двери. Казалось, резкий звук мчится на всех парах в глубь неведомого помещения, чтоб навеки раствориться в безднах пыльных артефактов.

На левой стороне двери, многократно покрашенной в разные оттенки коричневого, сохранились следы пребывания прошлых жильцов. Судя по отпечаткам от отодранных с мясом звонков и приклеенным подле них бумажкам, ранее в этой обители квартировали Буты, Фридманы, Синяковы и три Иванова. Была еще полустертая госпожа Запределова, которой явно не повезло. Чья-то зловредная рука изменила ее фамилию в Заперделову.

Я машинально оторвала бирку с линиялым чернильным Ивановым, к несказанному изумлению обнаружив под ней набившую оскомину фамилию Березовского. Блин горелый, вот где он, оказывается, затаился! В надежде на повторное чудо поотрывала автографы остальных Ивановых, однако, к моей досаде, никаких фигурантов типа Ходорковского или Чубайса там не оказалось. Отколупав последнюю наклейку, я узрела выведенное пером затейливое «Мав...».

– Смотри – Мавроди! – азартно воскликнул Игорь, увлеченно наблюдавший за моими археологическими изысканиями.

Увы, некто «Мав...» пострадал из-за качественного канцелярского клея. Последние буквы упорно не читались. Я настаивала на невозможности такого совпадения, а Игорь бился за печально известного создателя прожорливой пирамиды. Он уже прогнозировал, каким образом мы станем проводить обзорные экскурсии в квартире-музее. Растворившая посетителям, как, сидя на горшке, трехлетнее дарование задумывало безопасный план отъема первого миллиона.

– Про него по телику рассказывали. Он, бедняжка, страдает. Арестовали весь тираж его книжки. Так он признался, что вовсе не скрывается. Просто ему дома некомфортно – вкладчики мешают спокойно жить.

– Сволочи какие, – саркастически усмехнулся Игорь. – Неужели он так и сказал?

– Ага.

– Значит, я прав. Вот тут его убежище.

– Ты ничего не путаешь? По-моему, тут живут твои друзья.

– Отвянь, мелочь пузатая. Просто он тут жил, а потом съехал. Надо памятную доску на фасаде повесить. На белоснежном мраморе. У меня есть знакомый – просто спец по резьбе на камне.

– На кладбище трудится? – уверенно заключила я.

– Нет. Каминьки режет. Потом как-нибудь заскочим, полюбуемся. Но с вывеской я, пожалуй, погорячился.

Поймав мой любопытный взгляд, Игорь счел нужным объясниться.

– Моим приятелям такая реклама ни к чему.

– А что, им деньги не нужны?

– При чем тут деньги?

– При том. Как только народ прознает, что тут пахнет Мавроди, так сразу ринется тащить наличку мешками.

– Думаешь, второй раз в «г» вляпаются? Хотя... ты права, понесут как миленькие. В нас неистребима творческая жилка халявщиков.

Издав торжественный мистический скрип экстра-класса, дверь наконец изволила распахнуться. Из темноты прозвучал бодрый «привет», а затем протопали легкие удаляющиеся шаги.

Я с любопытством заглянула внутрь. Дверей, оказывается, было две штуки. Между ними на фанерных полках, покрытых неряшливыми обрезками клеенки, пылились трехлитровые пустые банки. Скорее всего, рачительные хозяева здесь хранили огурцы и прочие заготовки в прохладе, веющей от парадной лестницы.

Игорь осторожным жестом пригласил меня внутрь квартиры. Прямо пред нами на стене висели обрывки полосатых обоев и недоделанный унылый доспех рыцаря, привешенный на мощном ржавом крюке. По всей видимости, рыцарь при жизни обладал несуразной фигурой с непомерно длинными ногами и бочкообразным грудастым туловищем. Чуть ниже на ветхозаветной тумбочке с перекошенными дверцами пылилась голова, то есть шлем, в которой ей было положено находиться.

– Не бойсь, это рукотворное творчество одного из аборигенов. Спешу обратить внимание на отсутствие некоторых жизненно важных запчастей. Этот умелец умудрился отчеканить из листового железа такую немыслимую хрень, а про руки забыл. Так что теперь мы его зовем лорд Безрукий. Я не про автора, а про доспех. Там в кладовке еще меч валяется. Щит – на антресолях. Не знаю, как они до сих пор не рухнули.

– Так снимите щит-то, а то, неровен час, расплющит кого.

– Потом. Как-нибудь. Как только, так сразу. Честное слово, уберем. Просто руки не доходят.

Я повертела головой в поисках опасности, но, по всей вероятности, антресоли располагались где-то в другом месте. Зато поблизости от меня из уличной бетонной урны с розовой надписью в честь депутата Салаева торчало копьё, на которое насадили противогаз. Меня передернуло при виде острия, высовывающегося из выбитой глазницы.

Игорь тем временем продолжал сагу про изготовителя негодных доспехов.

– Невероятный был сосед. Все, что ни начал, ничего не закончил. Дом начал строить, до крыши дошел и продал за бесценок. Ремонт в комнате бросил на полпути. Все жену себе искал. Чтoб юная и непорочная. Один раз казашку приволок на смотрины. Вместе с папой-казахом и еще кем-то из родни. Они как глянули на такое дело, да отвергли жениха за профнепригодность.

– Не ври. Такого не бывает. Они за прописку на все готовы.

– Бывает. Сам свидетель. Потом он долго страдал. Пока не научился по Интернету знакомиться. Только все впустую.

– Страшный такой? – предположила я, проникшись страданиями неведомого горемыки.

– Да как тебе сказать? – Игорь явно пытался определиться с градацией мужской половины человечества на страшных и не очень.

– Рост какой? – попыталась помочь я.

– Да нормальный. Чуть ниже среднего. Или около того. По-моему, нормальная внешность. Не страшнее многих. У него с общением проблемы были, а так вполне адекватный мужик. Когда мозгоклюйством не страдает.

– А куда он подевался? – осторожно полюбопытствовала я, протягивая руку к черному телефону, прикрепленному к стене.

– В шаманизм ударился. Бывало, запретя у себя в комнате и сутками долбит в бубен.

– Зачем? – Я машинально протянула руку, снимая с блестящих рогулек старинную трубку.

– Облака разгоняет. Только они об этом не знают. Рассказывал, что у него получается на мировую экономику влияние оказывать. – Игорь неловко споткнулся о штабель искривленных дубовых досок. – Провалились черт знает сколько – совсем повело.

– И куда их теперь?

– Выкинуть. Наволок всего, чего ни попадя. Начнет мастерить какую-нибудь дельную вещь, без чертежей, без расчетов, прям загорится весь. Ночами не спит, не ест – творит! А потом так же быстро остынет. Всю комнату недоделками захламил. Потом зайдем, посмотрим. Там и интересные экспонаты попадают.

Преодолев нерешительность, я приложила к уху телефонную трубку. Из которой сначала затрещало, а потом чей-то ехидный нечеловеческий голосок отчетливо посоветовал идти на... Игорь смущенно отобрал матюгальник и аккуратно вернул его на место.

– Извини, забыл предупредить. У ребят специфическое чувство юмора.

В последнем я убедилась довольно быстро, обнаружив допотопный автомат по утолению жажды. Который стоял в темной кладовке без дверей. Автомат питался советскими однокопеечными и трехкопеечными монетами, суля за эти страшные деньги газировку. Если повезет – с сиропом. Игорь молча помотал головой, намекая, что лучше даже не пытаться. Я и не собиралась. Откуда у меня такая редкая валюта?

– По нему обычно ногой стучат. – Пояснение еще больше заинтриговало.

– А что от пинка происходит?

– Видишь, полотенце на гвозде висит? Это для особо любознательных. – Желание пнуть автомат несколько поостыло.

– Давай лучше про соседа еще расскажи. Интересно же.

– Я же говорил, шаманить начал. На пару дней учиться в Алма-Ату ездил. Там якобы самый продвинутый, самый главный шаман проживает. А потом он так уверовал в собственные силы, что прямо из Алма-Аты рванул в Москву предлагать свои неземные услуги в ФСБ. Хотя я могу и ошибаться. По-моему, он сначала пытался пройти отбор в телешоу о ясновидцах.

– И его куда не взяли, – понимающе перебила я.

– Ага. Так вот, дом продал в пригороде задешево. Деньги проел. Потом предложил ребятам ченч.¹ Комнату – на домик в садоводстве. Нечестно вроде, но они согласились. Домик-то халявный. По наследству от деда остался. Да и на кой им эти огороды? Зато теперь в квартире покой и тишина.

– Надо его отыскать. Может, с человеком беда приключилась?

– Не проси. Не стану. Он не просто грохотом всех достал. Он постоянно лез не в свое дело и утверждал, что только он знает, как это дело делается. Ему, мол, духи советуют. А когда его тупые советы перестали слушать, все повторял: «Ничего, скоро война будет. Тогда вы все узнаете, что я за человек!» Ходят слухи, что теперь научился по углям горячим ходить. Наверное, таким способом постарается охмурить какую-нибудь юную дурочку. Жаль его немного. Была бы жена, все пошло бы иначе.

Проходя по почти пустому коридору, я заметила в углу два сильно обшарпанных скейта. Неподалеку – прислоненные к стене классные велосипеды не совсем привычной конструкции. Рядом со входом на кухню, пустынную и изобилующую темными закоулками, красовался белый скелет в балетной пачке и съехавшем набор синем парике. Скелет мне однозначно не понравился своей коварной ухмылкой, в которой недоставало четырех передних верхних зубов.

– Знакомься заново. Перед тобой – гении на все руки.

¹ Change – обмен (англ.).

Я громко икнула, но Игорь провел меня к комнате, в которой над обширным столом склонились давно знакомые хохмачи-затейники. Им бы в «Убойной лиге» цены не было. Игорешины стародавние друзья. Мы не раз встречались. Только я не знала, чем они занимаются, когда не хохмят.

– Карабас, – представился первый.

– Барабас, – раскланялся второй.

– С чем вас, мальчики, и поздравляю, – как можно вежливее ответила я, опасливо оглядываясь на остов балерины.

– Тебя Аннушка напугала? – Игорь подтолкнул меня к столу, закрывая за собой дверь. Даже если и напугала, ни за что не признаюсь.

Карабас отличался от Барабаса ростом. Первый – значительно выше и тоще. Оба в безразмерных ярких футболках и потусторонних тертых джинсах с проймой в районе колен. Но не как у позеров-эмо, а в широких. Волосы взлохмаченные, светлые, челки одинаковой длины со всей шевелюрой. Патлатые, сутулые, в общем, красавцы да и только.

В отличие от круглоглазого приятеля у Карабаса был крайне нетипичный разрез глаз. Во всяком случае, я таких раньше не видела. Хотя нет, на картинах какого-то голландского художника были. Правда, у теток. Такие очень удлиненные уголки глаз, словно к вискам притянутые. Их еще «русалочьими» называют. Из-за этих глаз вполне мужественное лицо Карабаса приобретало несколько курьезный вид. Даже когда он пытался быть серьезным. Тогда он смахивал на пристальную оголодавшую рысь.

Барабас казался мне менее экзотическим и значительно более добродушным. Таких игривые девочки обычно называют «Винни-пушик». Или «пуся», что, в целом, отношения не меняет. Во всяком случае, на меня он смотрел значительно приветливее своего сотоварища. Почти с одобрением. Словно была у него в прошлом какая-то история, позволяющая понять мои проблемы.

– Зри внимательно, девочка. Вот краткое досье на твою маман.

Присаживаюсь рядом. На экране практически ничего. Когда и где родилась. Где училась. Где работала. Про автомото-технику я уже в курсе. А вот – адресок хаты, которая принадлежит ей уже как четыре года. Бляха-муха, если отец узнает, ему будет что делить при разводе.

– А ведь она уже не работала, когда ее покупала? – убежденно спросил Игорь. – Значит – «совместно нажитое имущество».

– Телепат, блин. Зуб даю, папаня ни сном ни духом. Как и я, впрочем.

– Она ее не покупала. Ей ее подарили. Точнее – тут имеет место договор с пожизненным содержанием.

Карабасы с любопытством дворовых котов поглядывают в мою сторону.

– Да ты не стесняйся, детка, колись, что за дамочка. Нам, как доктору, можно доверять все, кроме кошелька.

– Иной доктор кошелек свистнет и не побрезгует.

– На то он и доктор.

Пока они пререкались, текст на экране мигнул, а потом случилась катастрофа – теперь у Карабасов на иждивении завелся безмозглый комп.

Не на шутку встревоженный Игорь грубовато выволок меня за руку из помещения. Чтоб, значит, я не марала свои младенческие уши грубой нецензурной лексикой. Соседство Аннушки придавало ситуации критический оттенок. Пришлось отвернуться и уставиться на противоположную стенку. На которой оказались развешаны трофеи последней войны с немцами. Каски перемежались ржавым оружием и какими-то колесами. Были даже сапоги. Вид которых заставил меня прижаться к Игорю покрепче, чтоб не попадать в поле зрения Аннушки. Которая вполне могла оказаться не Аннушкой, а Гансом.

Спустя минуту, в дверном проеме возникла парочка удрученных лиц. Которые вмиг оценили мою скорбь и трусливое отчаяние, вызванное в основном нежеланием оплачивать покойные компьютерные мозги.

– Смотри, а тут кто-то носом шмыгает...

– Вполне натурально шмыгает. Не канючь. Ты тут ни при чем. Игорь, объясни девочке популярно – она никаким боком облома не касается. Только мы теперь не меньше твоего желаем все выяснить, раз такая петрушка приключилась.

Я не слишком сведуща в интернет-шпионстве. Хотя, уж коли лезешь на чужую деланку – озадачься приличной защитой.

– Я оплачу... – мужественно выдавила я.

– Туфта. Думаешь, у нас он единственный? Стали бы мы тебе свои сокровища показывать. Мозги живут в другом месте. – Карабас насмешливо постучал Аннушку по голове, отчего та громко клацнула сохранившимися зубами. – Кроме того, не волнуйся, мы с твоего благоверного (кивок в сторону притихшего Игоря) услугами стрясем. Правда, Игореша?

Игореша затравленно кивнул. Он такой большой и, как правило, уравновешенный, а тут скис до зеленого цвета лица. Такие перемены пробудили во мне зачатки совести. Кто их знает, этих Карабасов, что у них на уме. Может, ответные любезности моему драгоценному давно поперек горла стали. Я было хотела разрядить обстановку и ляпнуть про сексуальную направленность предполагаемых услуг, но вовремя притормозила. За такие шутки можно и по ушам схлопотать.

– Игорь не виноват. Это моя проблема. Поэтому я вправе настаивать на оплате. Я, если задуматься, жутко услужливая. Игорь, к черту Прагу. Ты едь один, а я попробую тут разобраться с этой белибердой.

Попыхтел мой любимый. Вот, думаю, сейчас сделает ручкой, и больше я его не увижу. Ан нет.

– Прага – город крепкий. Это тебе не Венеция. Думаю, простоит до нашего приезда. Перенесу отпуск. Потом отгуляю, когда все прояснится. Что, тебе плохо будет, если я буду под рукой?

Меня как подбросило. Повисла у него на шее и повизгиваю от радости. Все-таки до чего приятно обладать таким сокровищем, как мой Игорь.

Смущенные Карабасы изобразили, что деликатно отворачиваются, пока мы обменивались долгим не братским поцелуем. Когда отцеловались, я увидела, как они трепетно обнимают пыльную Аннушку, выражая тем самым вожделение ко всему, что в юбке. Скелету было почти все равно, если не брать в расчет сползшую балетную пачку. Которая попросту обвалилась на пол. Барабасу это не понравилось, и он попытался прицепить ее на прежнее место. Попутно свалив скелет на пол.

– Хорошо, что все суставы проволочками привязаны, – восторгался Карабас, помогая товарищу с установкой.

– Который раз падает, а все как новая. И ни слова упрека. Надо ей за это лифчик подарить. Не пожертвуешь?

Пришлось исхитриться и снять требуемое. Хорошо, что я его сегодня первый раз надела.

– Смотри! В самый раз. Надо туда что-нибудь положить.

Принесенные рулоны туалетной бумаги завершили это несусветное безобразие.

– Трусы не отдам, – предупредила я, мысленно прощаясь с лифчиком.

– Там скрывать нечего. Вот когда Аннушка была мужчиной...

– Не стоит расстраивать девушку подробностями, – убежденно предупредил Барабас.

Хорошие ребята, хоть и выглядят полными идиотами в своих безразмерных карманистых штанах.

– Итак, сосредоточимся на проблеме, – круглые смешливые глаза рассматривали меня, словно эта самая проблема была спрятана где-то в моих недрах.

– План нужен. Кто у нас генератор идей? Правильно – я, – поскромничал Карабас. – Дайте мне ночь на размышление. Завтра встретимся, все обсудим. А ты (это он на меня пальцем чумазым показывает) делай вид, что мчишься за границу. Чтоб духа твоего в доме не было.

– А где я жить буду?

Все дружно уставились на Игоря. Игорь посмотрел на мои губы. Пошевелил бровями. Многозначительно. Вдохнул глубоко и протяжно. Потом неловко полез в карман куртки. Выудил махонький полиэтиленовый конвертик. Зашуршала плотно сложенная бумажка, валясь на пол. Барабас тут же подхватил ее для детального изучения.

Бух – Игорь падает на колено. Достает колечко и пытается зубами отгрызть ниточку, на которой бирочки прицеплены.

Добрые Карабасы бросились к столу, заваленному всяким барахлом. Отрыли ножницы и дали ему, чтоб он зубы не портил. Один из них тут же выхватил ярлык, прищурился, зачитывая цену момента. Второй продемонстрировал подобранный ранее чек.

– Ого! – хор выразил свое одобрение.

Выбитый из колеи их поведением, Игорь отчаянно пытался не выйти из роли. Поэтому не сводил с меня глаз, даже когда ножницы упали на пол. Даже когда неловко мял мои пальцы, очевидно, пытаясь вспомнить, какой именно ему сейчас необходим. Особенно когда я ненароком протянула ему правую руку вместо левой. Опасаясь, что он сам не догадается. Его не сбilo с толку, что оттопыренный безымянный палец говорил либо о моей пронизательности, либо о наглости. Впрочем, какая разница?

– Жених и невеста. Тили-тили-тесто, – траурным голосом провозгласил Карабас.

Я даже посчитала нужным покраснеть, смутиться и впасть в благоговейный восторг от символа вечной любви, украшающего мой палец.

– Чмок-чмок-чмок, – словно сговорившись, продекламировали Карабасы.

Так мне сделали предложение.

Мне понравилось.

На это колечко с темно-синим камнем я давно положила глаз. Естественно, не преминув оповестить об этом факте моего возлюбленного. Я даже как-то невзначай сводила его полюбоваться на сокровище.

Глава 16

Пользуясь тем, что мама вся в глубоких раздумьях, беззастенчиво вру про дату отбытия. Надеюсь, она мне верит. Про колечко молчу, а то, неровен час, вздумает устроить посиделки с новыми родственниками. Мне сейчас этот оливье не с руки.

Сидела я на кухне, смотрела на маму внимательно. Все мамы как мамы, а моя не пойми кто и сбоку бантик. Жаль, если она в криминал угодила. Или все-таки проституция? Хотя проституция в некотором роде тоже тот еще криминал. Нет, я товарных девочек не осуждаю. Но согласитесь, как-то странно воспринимать свое тело и умение доставить удовольствие как объект товарно-денежных отношений. Хотя, коли мужики готовы за это платить, почему и нет?

Сама от своих мыслей обалдевая, залилась нездоровым румянцем. Мама – по рукам? Ей же лет сколько? Действительно, а сколько ей лет? Вспомнила год рождения, посчитала, ошиблась на десять лет, снова пересчитала. Оказывается, не так и много. Но не для панели. Старовата она для таких дурастей. И вообще, меня жутко раздражает ее идиотская полосатая блузка. Английский стиль, английский стиль... Матрас английский – вот это что. У Карabasов обои в коридоре точно такой же расцветки. Когда начну зарабатывать, непременно куплю ей другую.

Продолжила ненавязчивый осмотр мамы. Руки не колотые. Цвет лица здоровый. Для закоренелой горожанки. Наверное, все-таки не наркота. Торчки иначе выглядят. Их ни с кем не спутаешь. Как выглядят наркокурьеры, я не имела представления, но воображала их в виде осунувшихся порабощенных таджиков. Мама на таджика была похожа, как китаец на Баскова.

Скорее всего, у нее пара-тройка постоянных любовников. Пожилые достойные дяди.

О, я поняла. Она типа как гейша. Я кино про них смотрела.

Она с ними про жизнь беседы беседует, жалеет их, понимает, сочувствует. Я еще раз уставилась на мамино строгое лицо. Признаюсь, сочувствия в нем не предвиделось. Быть может, это она для меня такая холодная? Припомнила тех мужиков в аэропорту. Вполне подходящие типусы. Только тогда была какая-то папка. Которая никак не вписывалась в мою стройную теорию. Поэтому я решила про нее забыть.

Что еще обычно гейши делают? Песни поют, танцуют?

Танцевать, наверное, она сможет. Танго, рок-н-ролл? Вальс? К маме подходил танец в стиле утренней физзарядки. Приседания, махи руками, наклоны. Что-то такое, неприятное в смысле пластичности. Прыжки на месте уже не укладывались в привычные мамины телодвижения. Идею с танцами пришлось оставить как несостоятельную.

Что там остается? Песни? Насколько мне известно, песни и мама плохо совмещаются. Примерно так же, как мама и танцы. Я с детства вздрагиваю от ее колыбельных. Она по незнанию младенческого репертуара пыталась меня усыпить шедеврами из «Аквариума» или «Кино». Наихудший результат достигался поползновениями изобразить Аллу Пугачеву. Те еще воспоминания. Особенно от «Арлекино». Моими рыданиями можно было заменить пароходную сирену.

Фигня получается.

А если она – шпионка? Чем не версия?

Не может быть. Шпионы вхожи в круги тайно-носителей. Иначе на кой они нужны коварным иностранным разведкам. Мама с жутко влиятельными людьми никогда дружбы не водила. Если ее разведчики пытаться примутся, то она, кроме как про приготовление недо-рогой полезной пищи, ничего поведать не сможет.

Значит, главной остается версия про не поющую статичную гейшу. Возможно, в стиле садо-мазо.

Плохо, если до отца что-то дойдет. Он с радостью ухватится за малейшую возможность учинить публичную порку. Отберет у нас все, в грязи вывалит и гордо удалится в изгнание. К новой жене. Которой срочно подберет пару заместительниц помоложе и поглупее.

Я снова посмотрела на маму. Почему она так мало говорит? Думает все о чем-то. Знать бы еще, о чем. Так ведь не скажет.

– Мама, а о чем ты сейчас думаешь?

Только чуть приопущенные веки выдают удивление. Легонько похлопала меня по руке. Мол, все будет хорошо. Потом встала и сделала то, чего не случилось с поры моего безоблачного детства. Прижала мою голову к животу и ласково погладила. Я обмерла. Я боялась пошевелиться. Так мне было хорошо и стыдно, оттого что я в некотором смысле ее предала. Выдала чужую тайну каким-то Карабасам. Да еще в шмотках копалась. Свинья такая. Когда все выяснится, то я потребую, чтоб никто не выносил сор из избы. А просить-то кого? Карабасов? Они ребята странные, но не трепливые. Игоря? Так он и так никому ничего не скажет, но все равно стыдно.

Каюсь, только погладьте меня еще немного.

– Я тебя очень люблю, – шепчу я так, чтоб быть услышанной.

Звонкий поцелуй в макушку.

– Собирайся. Скоро Игорь за тобой приедет.

Повеселев, я побросала шмотки в сумку. Взяла самое необходимое, никаких нарядов. Удобная обувь на мягкой рифленой подошве. Крепкие брюки, непродуваемая куртка. Я примерно знаю, что мне предстоит. Карабасы говорили, что, может, даже на крыше сидеть придется, как Карлсону. Карлсон в капри. Удобная помесь брюк с шортами. Только почему капри?

Мама неожиданно извлекла из моего шкафа пару лучших вечерних платьев и аккуратно пристроила в мой багаж. Пришлось соорудить понимающее лицо и прихватить туфли. Кто знает, быть может, Игорь пригласит меня на randevu?

– Мама, а я красивая? – пытаюсь рассмотреть себя со всех сторон в зеркале, спросила я как можно скромнее.

– Вне всяких сомнений. Только живот подбери и подбородок не опускай так низко. А еще неплохо бы пресс подкачать и приучить себя не сутулиться.

Лучше бы промолчала.

– Зато у меня ноги длинные. И глаза большие. И еще, – я прикинула, к чему она точно не придерется, – и еще у меня хорошие зубы и профиль классический.

– Ты забыла упомянуть волосы. Кстати, не забудь взять фен, а шампунь выложи. Там купишь.

Пришлось снова перебирать сумку.

Игорь, как всегда, прибыл вовремя. Сигналил из машины, пока я пыталась одновременно уложить вещи и взять себя в руки. Так и не дождавшись моего появления, он все-таки набрался мужества подняться к нам, чтоб помочь донести вещи. Мне показалось – он теперь немного робел перед мамой. Впрочем, она этого не заметила, хотя на нервной почве Игорь был излишне многословен и говорил громче обычного. Он врать не любит. И ему было стыдно за наш заговор. Чтоб оправдать неестественное поведение, уже в машине он сообщил:

– А может, она по глупости попала в некрасивую историю. Например, начала в игровые заведения ходить. Она – женщина, следовательно, вполне может ошибаться. А там, сама знаешь, пошло-поехало, долги...

Встретив в моем лице откровенное непонимание, Игорь уже тише прибавил:

– Может, ее выкупать надо.

– Во-первых, теперь игры запрещены. Почти. Во-вторых, милый, какие на хрен долги? У нее и машины, и квартира. И какой-то дурацкий мотоцикл.

– Тогда не знаю...

Мама стояла у окна и махала нам вслед рукой.

Мне показалось, что она улыбается.

Чмок-чмок, мама. Я раскрою все твои секреты.

Глава 17

Теперь я обосновалась у Игоря. Точнее – попала в цепкие руки Карабасов. Энергии в них оказалось несколько больше, чем, скажем, в средних размеров тайфуне. Жало которого сфокусировано на мне.

Порой казалось, что предыдущий период биографии утомил Карабасов кабинетной работой. Просиживали штаны перед компьютерами. Лишь изредка позволяя себе стряхнуть прах с пропыленных мозгов, вырываясь на просторы тесных улиц. Чтоб подкачать вялые мышцы при помощи того же спортивного велосипеда.

По слухам, иногда они выгуливали принаряженную Аннушку. Пугая впечатлительных прохожих. Некоторым такие встречи приносили несказанное удовольствие. В основном, молодежи. Которая мгновенно доставала мобильники и немедленно присоединялась к владельцам скелета. Умоляя увековечить себя вместе с Аннушкой.

Аннушка была не против такого аншлага, а Карабасы поощряли любовь публики к скелету, считая такое влечение не только веселым, но и познавательным с точки зрения анатомии.

Наряды для скелета добывались в пресловутом секонде. Особой удачей считалось натянуть на череп широкополую манерную шляпу. В некоторых, особо торжественных, случаях голову покрывали обыкновенной солдатской каской немецкого изготовления. На каске из патриотизма рисовали надпись «Гитлер-капут», а Аннушка достаивалась щеточки усов под носом и облачалась в мундир.

– Прикинь, идем себе, а за нами несколько фашиков. Докопались до нас. «Хайль Гитлер!» – орут. Пришлось популярно объяснить, что мы по этому поводу думаем, – гневно рассказывал Барабас.

Эксперименты с усатым скелетом пришлось прекратить. История умалчивает, кто кого тогда бил, но не исключено, что именно этот эпизод оставил Аннушку без передних зубов.

– Нельзя использовать экспонат вместо ударно-дробящего оружия, – сетовал Барабас, обещая оснастить поврежденную челюсть новыми зубами.

Вспомнив про деда Нила и его верных оруженосцев, я предложила выпросить старушачью вставную челюсть для ремонта утрат, но Барабас категорично отказался.

– Когда Карабас созреет, мы найдем специалиста по протезированию и восстановим ее обворожительную улыбку. Как новая станет!

Я не удивлюсь, если им приходило в голову вырядиться в латы, но нереальный размер остановил. Представив себе ночь, громогласные шаги Карабаса в облачении рыцаря под ручку с дребезжащей Аннушкой в балетной пачке, я присвистнула от удовольствия.

Уж не знаю, всегда ли Карабасы так увлеченно хватаются за новое дело, но мое им показалось достойным азарта. Перед ними открылась новая, ранее неизведанная цель, сулящая неожиданный результат и сплошные сюрпризы. Поэтому они активно взялись за разработку плана боевых действий и не давали мне, несчастной, ни сна ни продыха.

Звонки верещали через каждые пять минут. Назойливые исследователи выспрашивали про маминьи привычки и дотошно уточняли распорядок дня. Интересное кино – а я знаю, что она привыкла делать в мое отсутствие? Слава богу, до них доперло, что толку от меня как от комариного уха. Тогда они самостоятельно разработали тактику следственных мероприятий операции под кодовым названием «Бзик по маме».

– Это все ерунда по сравнению с моей бабушкой, – признался в приступе откровения Карабас. – Хотя по смыслу дело может оказаться схожим. Бабуля как на пенсию вышла, вдруг стала жить на широкую ногу. Покупает что хочет, мотается по заграницам и вообще

молодится как девушка. Немного стараний – и я узнаю, что она не просто так себе бабушка, а многожужец какой-то. Прикинь – у нее было аж восемь мужей.

– Олигархи? – робко предположила я.

– Куда там. Самый продвинутый – бывший полковник милиции. И она решила провести инвентаризацию их чувств. Написала каждому строгое письмо. Типа неплохо бы за счастливые годы сделать ей надбавку к пенсии.

– Наверное, они были с ней счастливы? – догадалась я.

– По всей вероятности – да. Теперь каждый платит сколько может. Ежемесячно.

– Невероятно! – Мне показалась заманчивой такая непыльная перспектива улучшить свое благосостояние, жаль, что до пенсии как до революции.

– Но у твоей мамы был всего один супруг.

– И есть, – на мой взгляд, последняя фраза нуждалась в уточнении.

– Это как посмотреть, – осторожно прибавил Карабас.

Похоже, он боялся травмировать меня правдой об отце, или тут дело в мужской солидарности, но распространяться о второй папиной семье он не стал. Будто я не в курсе.

– Ладно. Все будет в ажуре. Не забывай, с кем имеешь дело, – «скромничал» внук выдающейся бабушки.

Нет, все-таки я права, Карабасы истосковались по движению. Сегодня мы приступаем к успокоению моей совести. К выворачиванию маминой тайны наизнанку. К возвращению блудного попугая из блуда.

Мы будем шпиками. Хотя я слабо представляю, в чем их деятельность заключается. Я даже не уверена, что они вообще существуют в реальной жизни, а не только в детективах.

– «Секретный агент» звучит лучше, – поправил меня Карабас, когда был назван «шпи-ком».

Ясным солнечным утром, когда все трудовое население сумрачно спешит на работу, а нетрудовое мстительно нежится в постели, мы вдвоем клевали носом, сидя в машине Барабаса. Шпикачество пока не вызывало у меня ничего кроме яростной зевоты. Барабас в ожидании первых известий напряженно барабанил похоронный марш пальцами по коленке.

– Не нервируй меня, – попросила я сквозь новый отчаянный зевок.

– Надо было сделать все по-другому. Что за отношения у вас в семье? Идиотизм в квадрате – дочь ни сном ни духом, что делает ее мамаша.

– А твоя мать в курсе, чем ты занимаешься? – Мой сладкий голос испортил ему настроение.

– Вот еще. Зачем ей знать? Если все рассказывать, нотаций не оберешься.

– Ну-ну. Какие странные отношения, не правда ли?

Барабас вытаращился на меня как рыба в аквариуме.

– Я берегу ее покой. Сын – это тебе не дочь. В том смысле, что дочь и сын – две большие разницы. Сын – это не мама. А мама – не дочь.

– Круто! А бабушка – это не дед. И даже не троллейбус.

– При чем тут троллейбус? – разозлился напрочь запутавшийся Барабас.

– Значит, ты ее бережешь? – миролюбиво уточнила я, чтоб избежать новых словоблудий. – А моя мама бережет меня.

– На то она и мама. Слушай, отвянь по-хорошему. Я до сих пор не встречал родителей, которые тихарятся до такой степени. Если не брать в расчет бывших киллеров и прочий убойный элемент. И, как правило, это мужики. Теткам положено вить гнезда и налаживать быт, – утомленный диспутом Барабас поспешно покинул машину.

– И молчать в тряпочку. Готовка, уборка и стирка. Воспитание детей. – Я последовала его примеру.

Солнце уже пригревало вовсю. Барабас все никак не мог угомониться.

– Вот, именно это. Иногда еще и работа. Утром привела себя в божеский вид, накормила всех завтраком, оттрубила на работе, прошмыгнулась по магазинам, приготовила еду, накормила всех ужином, выслушала новости домочадцев, помыла посуду, постирала что надо, погладила выстиранное накануне. Выполнила супружеский долг. Ну, конечно, бывают секреты. Любовники там всякие, немного денег отслюнить из бюджета. Все просто. Закрой рот, а то муха залетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.